

Виктор Кобеев

**ЭСКИЗЫ К ЗОЛОТОМУ
КЛЮЧИКУ**

полицейский детектив

Виктор Кобеев

Эскизы к золотому ключику

«Издательские решения»

Кобеев В.

Эскизы к золотому ключику / В. Кобеев — «Издательские решения»,

Ранним утром таксист, ехавший по вызову, на окраине города нашёл труп молодой женщины. Муж погибшей, Анастасии Черновской, на которого падают первые подозрения, — журналист местного телевидения. В городе он хорошо известен своими горячими публикациями, в том числе и о связях криминала и работников правоохранительных структур. Что это? Банальная «бытовуха», о которой говорят соседи? Преступление, связанное с профессиональной деятельностью погибшей, или месть за попытку сказать правду?

© Кобеев В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	34
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Эскизы к золотому ключику
полицейский детектив
Виктор Кобеев**

© Виктор Кобеев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Весеннее солнце серебрит снежное покрывало. Кажется, будто вокруг рассыпаны миллионы сверкающих алмазов. Накануне вечером было на удивление тепло, однако ночью резко похолодало, выпала изморозь. Деревья стоят, словно на новогодней открытке, укутанные блистающей сахарной ватой. Дышится удивительно легко. Уже нет зимнего обжигающего мороза, но ещё не пришло время весенней слякоти. Лыжня, спустившись по отлогому берегу, делает плавный поворот и исчезает в зарослях черёмухи. Замечательная штука – пластиковые лыжи, скользят куда лучше, чем деревянные. Оттолкнувшись со всей силы и сгруппировавшись в «яйцо», я качусь добрых полсотни метров по инерции. Толчок, ещё, ещё, цель совсем рядом. За спиной – несколько километров в хорошем темпе. Теперь можно немного передохнуть. Сегодня нет соревнований и не нужно вырывать секунды у соперников. Нет финишного коридора, обозначенного цветными флажками, и самое главное, нет той заветной черты на снегу, возле которой стоит судья с секундомером. Солнце не по-зимнему играет на безоблачном небе. Уже чувствуется, что настоящая весна не за горами. Птицы чирикают на разные голоса, не то, что в декабре, когда самой популярной мелодией был заунывный свист ветра в прибрежных кустах. Да что же они разорались так, эти птички несчастные? Чего им не хватает!? Я протянул руку, чтобы отодвинуть склонившуюся ветку. Она будто шлагбаум перекрыла лыжню. Луч весеннего солнца ударил в глаза, и мне пришлось на секунду зажмуриться. Странно, но рука упёрлась во что-то твёрдое. Пальцы скользнули по ровной и гладкой поверхности.

Ну да, это журнальный столик, на котором чирикает на все голоса мой сотовый телефон. Вот и покатался, а как всё хорошо было! Кому же это так припёрло – в самую рань, да ещё в субботу? Потянувшись за телефоном, я зацепил чашку с остатками кофе, которая упала на пол, оставив на коврике возле дивана тёмное пятно. Да чтоб тебя...! На дисплее высветись только две буквы – «ДЧ», что в переводе означает – «дежурная часть». Ясно, кому.

– Слушаю, Чугунов.

– Доброе утро, Александр Сергеевич, помощник дежурного Кузовлев беспокоит.

– Николай Петрович, слушаю, что случилось, тревога что ли?

– Нет, час назад обнаружен труп женщины, со следами насильственной смерти. Эксперт говорит, что на ДТП не похоже. Следователь и криминалист уже там. За вами машина заедет минут через пятнадцать. По пути захватите участкового Кожевникова, он будет ждать на трамвайном кольце третьего маршрута.

– Адрес, где нашли?

– По переулку Лесному, в кустах недалеко от болота.

– Хорошо, понял, собираюсь, – я отключил связь.

Вот тебе и доброе утро, хотя всё относительно. В чей-то дом пришла настоящая беда, по сравнению с которой мой ранний подъём – действительно очень доброе утро. В запасе целых четверть часа, чтобы умыться, и выпить чашку кофе. Не много, конечно, но это всё же не боевая тревога, когда через две минуты надо стоять в строю. Можно особенно и не торопиться, и даже не ходить на цыпочках. Сын у моих родителей, жена в больнице, стесняться нечего, лишь бы табуретку на кухне не уронить спросонья, чтобы соседей не разбудить.

Я успел немного прийти в себя, пока наш узик резво бежал по пустынным улицам летнего города мимо мигающих светофоров. Суббота, людей на улице практически не было, и лишь редкие прохожие попадались навстречу. На конечной остановке трамвая показалась знакомая фигура. Юра Кожевников не торопясь подошёл к нашей машине.

– Общий привет, – он хлопнул дверью, устраиваясь на сидении рядом со мной.

Ещё десять минут, и наша серая «буханка» свернула на обочину, где уже стояла машина дежурной части.

– Ну, теперь, кажется, все в сборе, – следователь закрыл папку с бумагами и кивнул нам. – Осмотритесь немного на месте, через десять минут поговорим, – он отошёл в сторону вместе с экспертом.

Недели две назад здесь был, и кто бы мог подумать. Вроде бы ничего и не поменялось. Тот же самый переулочек с остатками асфальта на разбитой дороге, то же болото, за которым почерневший забор лесоторгового склада, домишки, выстроившиеся, вдоль улицы с палисадниками и непременными лавочками возле ворот. Почти деревня, где все знают друг друга не один год. И если до сих пор тихо, то погибшая вряд ли жила здесь. На этом умиротворённом фоне нелепым ярким пятном выделялись наши разномастные полицейские машины, стоявшие на обочине. Водители проезжавших изредка автомобилей, притормаживали и поворачивали головы в нашу сторону. Следователь, видимо закончив разговор с экспертом, жестом попросил нас подойти.

– Ну что же, начнём. Что скажет криминалист? – он посмотрел на эксперта, как только мы с Кожевниковым оказались рядом.

– Предположительно, – начал тот, – жертве был нанесён удар сзади по голове тяжёлым и тупым предметом. Я думаю, это произошло часов шесть назад, может и больше. Точнее о причинах и времени наступления смерти скажет судмедэкспертиза. Документов при ней не обнаружено, сотового телефона тоже. Нет ни сумочки, ни кошелька. Всё было бы похоже на ограбление, но, – криминалист немного задумался, – но если бы на пальце не осталось дорогое колечко и одна серьга в ухе с таким же камешком.

– Быть может грабитель не смог снять его? – поинтересовался следователь.

– Я смог, а грабитель нет? Вряд ли. Скорее всего, серьга была потеряна, а на кольцо убийца либо не обратил внимания, либо не рассмотрел, или подумал, что это бижутерия.

– А вдруг это бижутерия и есть? – поинтересовался я.

– Сомневаюсь, – криминалист покачал головой, – проба на кольце имеется, и визуально качество, можно оценить, как очень хорошее, хотя, что это такое, точно ответит экспертиза, а так – «кольцо из металла белого цвета, с камнем белого цвета, на внутренней стороне которого имеется проба», – пока могу сказать только так. В кармане её брюк, мы нашли квитанцию об оплате за электричество. Дата – позавчерашний день. Лицевой счёт открыт на некоего гражданина Черновского О. П., адрес абонента есть. Это совсем недалеко отсюда. На дороге видны следы протектора, – продолжил эксперт, – совсем рядом с трупом. Правый отпечаток очень хороший, левый смазан. По следам определим тип автомобиля, и если подозреваемый появится, можно будет идентифицировать машину. Да, кстати, рядом в кустах трава примята...

– Ещё кто-то был? – следователь сделал пометку в блокноте. – Собаку пустить можно?

– Не получится, ей ведь не объяснишь, кого искать надо, а мы ничего не нашли.

– Юрий Васильевич, – следователь посмотрел на участкового, – ты труп видел?

– Да, конечно

– Что скажешь?

– Пока ничего. В смысле, лицо незнакомое. Я тут многих знаю, но с ней ни разу не встречался, да и одета она вполне прилично. Может, к кому приходила... Кто нашёл?

– Таксист, ехал на вызов, притормозил по надобности. А вот когда он вышел из машины, увидел ноги в кустах. Водитель сразу связался с диспетчером, которая и вызвала полицию. Сейчас, почти семь утра, – следователь посмотрел на часы, – народ, наверно, уже проснулся, давайте с Чугуновым обходом домов займитесь. Думаю, что сами разберётесь кому куда. Вопросы есть?

– Есть, – я достал блокнот, – координаты таксиста?

Через минуту данные единственного свидетеля были у меня в кармане. Техника дело удобное, а бумага – надёжное, хотя одно другого не заменяет.

Из-за поворота показалась тёмно-серая «Газель» с красным крестом, однако без окон в салоне. Автомобиль сдал назад и встал рядом с нашим уазиком, на земле появился полиэтилен. Двое хмурых и не выспавшихся парней в коричневых комбинезонах без лишних слов, натянув резиновые перчатки, упаковали тело, словно обычный свёрток, и загрузили его в машину. Бригадир подошёл к следователю и протянул бланк.

– Распишитесь, только разборчиво – фамилию, время, свою должность и адрес, где подняли труп. Больше никого не будет?

– Надеюсь, нет, тьфу-тьфу, – следователь поставил подпись.

– Ладно, мы поехали, – бригадир хлопнул дверью, машина медленно вырулила на дрогу и вскоре скрылась за поворотом.

– Ну и что Саша, какие мысли? – Кожевников достал из кармана жвачку и развернул упаковку. – Позавтракать не успел, так хотя бы обману свой желудок, угощайся, – он протянул пластинку.

– Нет, спасибо, я кофе попил. Куда двинемся?

– Как обычно, я по домам и квартирам пойду, а ты давай кругами, чтоб друг другу не мешать.

– Договорились, есть тут у меня один старый знакомый, боец алкогольного фронта. Его бы повидать надо. Потом потолкуем с продавцом круглосуточного киоска, может она чего видела или слышала. Успеть бы, пока смену не сдали.

– Ты со сторожем лесоторгового склада поговори. Их забор как раз к болоту выходит, – Юра кивнул в сторону кустов.

– Ну да, и таксиста найти, не помешает, – добавил я. Пока так.

Однако продавщица ничего не видела и не слышала, ни криков, ни шума борьбы, разве что машины проезжали по переулку, ну так это само собой... А где же им ещё ездить? Какие машины, она, конечно не запомнила. Дед – сторож склада тоже ничего подозрительного не заметил, только вот посреди ночи залаяли собаки. Он подумал, что кто-то из местных алкашей заблудился по пьяному делу. Но выйдя из вагончика, никого не обнаружил. Такое впечатление, что убитую привезли сюда на машине, чтобы утопить в болоте, которое раньше было прудом, но почему-то не успели этого сделать. Быть может, убийца торопился, или кого-то испугался. А если так, значит, этот «кто-то» мог видеть что-то.

«Как бы нам не пришлось по дну баграми шарить», – мелькнула нехорошая мысль.

Встреча со старым знакомым так и не состоялась. Хибара в самом конце переулка, в которой проживал местный абориген Симоня, или по паспорту – Семёнов Владимир Ильич, оказалась закрытой на большой навесной замок. Во дворе, рядом с сараем, пустой глазницей зияла конура его лучшего, и быть может, единственного друга – Крекера, огромной серой дворняги, больше похожей на волка. Здесь же на земле валялась цепь без ошейника. Это значит – Симоня отбыл в очередную командировку в неизвестном направлении, отпустив своего друга на вольные хлеба, чтобы тот не издох с голоду, сидя на привязи. Или Крекер сам свалил с постоянного места жительства по непонятным причинам. Соседка из дома напротив, видимо поняв, кто я, сразу же оценила ситуацию и первая начала разговор.

– Вы из полиции? – поинтересовалась она.

– Да, оперуполномоченный Чугунов, – мне пришлось показать удостоверение.

– А правда, что этот, – женщина кивнула на избушку Симони, – ночью бабушку убил?

– Это кто сказал?

– Ну как кто, люди говорят. А разве не так? – женщина удивлённо подняла брови.

– Вот мы и разбираемся кто и как. Вы когда видели Семёнова последний раз? Простите, э-э-э ...?

– Зинаида Андреевна Туганова, – подсказала Симонина соседка.

– Так, когда и при каких обстоятельствах?

– Вчера вечером, вышла после программы «Время» огурцы полить, а Симоня со своим собутыльником Пантелеем пиво в ограде пили. Пенсию получил, наверное. Он всегда так, гуляет, пока деньги есть.

– А потом?

– Потом зубы на полку и цвет мет по округе собирать.

– Я не об этом.

– Ах, да, извините. После не видела. Домой зашла, но свет у него в окошке долго ещё горел. А, правда, что это он бабушку, – того?

– Не бабушку, а молодую женщину. И ещё раз говорю, Зинаида Андреевна, мы пока не знаем, чьих рук это дело. А кто такой Пантелей, и где он живёт?

– Такой же заморыш, как и Симоня. Полтора метра росту вместе с шапкой. Может и родственник, уж больно похож, где живёт, не знаю, один раз слышала, правда от людей, что в при вокзальном посёлке есть у него избушка. Вроде как, сразу за железнодорожным переездом.

Уже лучше, есть хотя бы приблизительные координаты, где искать пропавшего Симоню. Однако, чтобы он? И, убил? Спереть что-то по мелочи – да и то... но чтобы обидеть кого, да ещё жизни лишить? Не в его возможностях при всём желании. Погибшая была женщиной крупной, на голову выше нашего аборигена. Да и здоровье у него хватает разве что стакан поднять «со товарищи» после получения своей черныбыльской пенсии, а потом, как Туганова и говорит, на заработки, чтоб денег хватило на сухую лапшу для себя и Крекера. Я написал номер телефона на листке бумаги и отдал его женщине.

– Если появится, звоните в любое время хоть днём, хоть ночью.

Почти все, кто что-то мог видеть и слышать – опрошены, осталась последняя надежда – таксист. Может он ещё что вспомнит. Вдруг человек растерялся сразу и упустил какие-то детали? Но сначала надо выяснить, кто он такой и чем занимался прошедший день. Диспетчер ответила практически сразу и сказала, что водитель до сих пор на линии, поскольку они работают через двое суток по двенадцать часов. Как только я появился в офисе, ко мне подошёл невысокий коренастый мужчина.

– Артём Леонидович, исполнительный директор, – представился он. – Чем обязан визиту полиции? Меня диспетчер уже предупредила перед вашим приходом, прошу, – и он распахнул дверь своего кабинета.

По уверенному тону и манере держаться, сразу было видно, что передо мной человек привыкший работать с людьми. И не просто работать, а распоряжаться ими. «Такому только в армии служить» – подумал я.

– Артём Леонидович, меня интересует один из ваших водителей – Аникин Владислав. Точнее не он сам, а его сегодняшняя смена.

– А а-а-а... Слава, тот который сегодня женщину убитую нашёл?

– Да, именно этот человек.

– Сейчас организуем, – директор поднял трубку телефона, – Лена, сделай мне распечатку на Аникина по сегодняшней смене, прямо сейчас. С прошлого года, мы ввели компьютерный учёт, – пояснил он, – поставили радиомаяки на все свои автомобили, так что никаких проблем. Сначала народ принял это, как и положено – то есть, никак, потому что отпали левые заказы, а потом ничего – попривыкли, хотя кое-кому пришлось показать, в какую сторону открывается дверь на выход. Дисциплину я здесь установил жёсткую, но без этого никуда.

– В армии служили?

– Да, конечно. А что заметно? – директор улыбнулся.

– Чувствуется. Если не секрет, такое нововведение окупается?

– Меньше чем через год. Качество обслуживания существенно выросло. У нас появились и постоянные клиенты, а это уже кое-что.

– Артём Леонидович, пока делают распечатку несколько слов об Аникине?

– Нормальный парень, я бы сказал так, – он задумчиво посмотрел в окно. – Я многих повидал за свою жизнь, но этому можно доверять. По крайней мере, новую машину. Слава не убьёт автомобиль за месяц. Вы, наверное, знаете, техника у нас ходит не более трёх лет, и как она будет работать, зависит от самого начала эксплуатации. С хорошими кадрами всегда проблема, и в такси тоже. Но Аникин у нас уже лет пять, и никаких нареканий на него не было. Правда по молодости он имел судимость, но этого сразу не скрывал и не гордился этим.

– Выпивает или что по тяжелее?

– Да вы что?! – воскликнул директор. – Он же профессионал, человек, который зарабатывает себе кусок хлеба за рулём. И семья у него нормальная насколько я знаю – жена и дочка. Ну вот, кажется, и то, что вас интересует.

В кабинет вошла диспетчер и положила на стол лист бумаги.

– Вот здесь адреса, а здесь время, директор показал ручкой на цифры.

– Данные достоверные?

– Да, конечно, корректировать может только администратор сети, а он у нас человек приходящий. Последний раз был дня три назад. Судя по всему, Слава больше двадцати минут нигде не стоял. При необходимости можно детально проследить весь его маршрут за смену.

– Спасибо, мне уже достаточно того, что есть. И я хотел, чтобы вы вызвали его сюда в офис.

– Одну минуту, – директор выглянул в общую комнату, – Лена, Аникина в офис! На заказе? Как только клиента увезёт, сразу сюда, скажи, что я спрашивал.

Ждать долго не пришлось. Меньше чем через полчаса в дверях появился высокий рыжеватый таксист в фирменной бейсболке с надписью – «Такси – Приз». Однако увидев меня, в кабинете начальника, он несколько замешкался.

– Проходи, Слава, садись, – Артём Леонидович кивнул парню, – с тобой товарищ из полиции побеседовать хочет.

– Да уж, вижу, что из полиции.

– Сильно заметно? – поинтересовался я.

– Кому как, а я вас на всю оставшуюся жизнь запомнил, Александр Сергеевич, неужели забыли? Это же вы меня тогда, десять лет назад на зону пристроили.

– Прошу прощения, – Аникина перебил директор, – если я не нужен, то хотел бы вас оставить на некоторое время.

– Да, конечно, Артём Леонидович, надеюсь, скоро закончим. Ну так вот, – продолжил я после того как закрылась дверь, – пристроили не мы а суд, если уж точно. Не из той ли бригады, которая пыталась со складов возле речного порта вывезти машину прихватизированного добра?

– Ага, оттуда, только вы тогда нас – пацанов и смогли повязать, а серьёзных людей слабо оказалось?

– Не переживай Слава за нашу слабость, сели они, и не на три года как ты, а надолго, правда по другим статьям. В полицию если и попадают, то либо по призыванию, либо по недоразумению, я думаю, ты понял.

– Было время подумать, это точно. Вы здесь по мою душу?

– И по твою тоже.

– Так я, вроде бы, всё рассказал вашим. Где я был в тот день и что делал, можете поинтересоваться у диспетчера.

– Уже знаю. – Я положил на стол лист с маршрутами Аникина. – Давай сейчас с самого конца пробежимся. Может, что ещё вспомнишь в нормальной обстановке, а это очень важно, Слава.

– Александр Сергеевич, а кто эта женщина, и за что её?

– Пока не знаем и потому я здесь. Начнём с того момента когда ты остановился в переулке. Почему остановился, и когда увидел?

– Мы начинаем смену в двенадцать ночи, – начал таксист, – я, как обычно, принял машину у напарника и вышел на линию. Заказов было не очень много, но я не простаивал. Нормальный режим. Люблю ночью ездить, машин в городе мало, светофоры на мигалках стоят. Работаем мы обычно в это время только по заказам. Вот и сегодня часа в три, может позже, поступила заявка отвезти пассажира в аэропорт. Я принял вызов и поехал на адрес, вот сюда, – таксист показал строчку в таблице. – Чтобы не стоять перед переездом около северной товарной станции, мне пришлось сделать небольшой крюк. Прямая дорога, она не всегда самая короткая. Вот потому я и свернул в этот проклятый переулок. Притормозил около кустов по нужде. Даже двигатель глушить не стал, вышел из машины и тут увидел в траве её туфли. Мне даже не по себе стало.

– А чего так? Мало ли кто в кустах летом валяется.

– Ну да, как же? Сначала я хотел просто уехать, но потом передумал.

– Почему?

– А если кто видел машину, а если номер запомнили? Что потом говорить буду? То, что просто испугался? Вы поверите?

– Всякое бывает...

– Конечно всякое, только вы каждую минуту по графику просмотрели. Или не так?

– Точно. Я словам давно верить перестал, работа такая, сам понимаешь.

– Понимаю, и я тоже, только тяжело это, по себе знаю. Ну да ладно, не об этом речь. У меня с собой всегда в кармане фонарь авторучка, вот я и подсветил им. Сразу понял, что передо мной покойник.

– Откуда такая уверенность, может она была ещё жива? А вдруг, она нуждалась в помощи?

– Александр Сергеевич, живые люди так не лежат, и воротник был в крови. Видно хорошо приложились. На всякий случай пульс проверил на сонной артерии, пусто, да и холодная она была.

– И не страшно?

– Живых бояться надо, а к покойникам я давно отношусь ровно. Когда из зоны вышел, работал полгода санитаром в городском морге, насмотрелся. Никуда на работу не брали с судимостью, вот и пришлось обмывать, переодевать, да в гробы народ укладывать. Дело такое, что и мозги сильно напрягать не надо, однако не бедствовал, только не по мне такая работа. Подался на стройку подсобником, потом сюда взяли. Здесь и работаю уже шестой год.

– Слава, постарайся вспомнить, может, кто на дороге попадался, может, что в глаза бросилось, подумай не торопись.

– Да нет, вроде ничего такого... Заказы и всё. Ночью сами знаете и машин и людей мало. На контейнерную заправку заехал, перед тем как двинуться в аэропорт, как раз недалеко от этого переулка. Ничего необычного. Заливал бензин безо всякой очереди, ночь, никого. Рядом мужик какой-то тоже полуночник машину заправлял.

– Номер или хотя бы марку назвать можешь?

– Кажется, десятка или двенадцатая, точно не скажу, передом стояла. Номера не помню, не до него было. Водитель ещё фары тряпочкой протирал.

– Хорошо, если что вспомнишь, обязательно позвони, договорились?

Я распрощался и вышел из офиса. Тут же раздался звонок моего сотового телефона. На связи был наш начальник отделения – Гусев Андрей Павлович.

– Чугунов, ты, когда в отделе будешь?

– Скоро, Палыч, а что стряслось?

– В два часа дня у начальника планёрка по сегодняшнему делу, будь готов доложить о проделанной работе. Кстати, для тебя есть один сюрприз, как приедешь, сразу узнаешь, не опаздывай.

Однако быстро летит время. Полдня прошло, а что в результате? Никто толком ничего не видел и не слышал. Отечественное авто на контейнерной заправке? Ещё и заправка постройки середины девяностых – никакой видеозаписи и никаких камер наблюдения. Ни кассир, ни оператор толком ничего не видели. Сотни машин за смену, что тут можно запомнить? Симоня исчез? Быть может, опять зависает у своих соратников. И всё? Не густо. Придётся расширять круг поиска. Малым радиусом обойтись не удалось. Интересно, кто же такая погибшая, квитанция – квитанцией, а человек другое дело. Мало ли как она могла оказаться в кармане. Как и следовало ожидать, планёрка особенной ясности не внесла вот только... только даже если захочешь, то не придумашь.

– Буду краток, – начал начальник отдела, – меня интересует, прежде всего, работа по сегодняшнему убийству. То, что это убийство – сомнений практически нет. Кто погибшая, установить удалось?

– Да, конечно, – начал следователь, – Черновская Анастасия Сергеевна, проживавшая по адресу ... По нашим данным работала начальником планово-экономического отдела в строительной компании «Эркерком Плюс». Замужем, муж – журналист телекомпании «Старт—1». Детей нет.

– С родственниками связались?

– К сожалению, пока нет. В телекомпании сказали, что Черновский ещё вчера взял короткий отпуск за свой счёт, и уехал из города в неизвестном направлении. Его телефон не отвечает. Коллеги по работе говорят, что это обычная практика для него. Он сотрудничает ещё и с издательством. В телекомпании он сказал, что должен срочно подготовить к публикации свою работу. Если что-то серьёзное, Черновский связь обычно выключает и даже телевизор не смотрит, чтобы создать условия для творческого процесса. В нашем городе, близких родственников, у погибшей и её мужа нет. Круг знакомых сейчас устанавливаем.

– Что скажет участковый, – начальник посмотрел на Кожевникова.

– Поквартирный обход по месту преступления результатов не дал, – начал Юра, – никто ничего не видел и не слышал, видимо всё произошло в самое глухое время суток, с двух ночи до четырёх утра. Я обошёл восемь адресов и везде одно и то же. Не видели, не слышали, не знаем. По месту жительства Черновской несколько иная ситуация.

– Что именно?

– Соседи сказали, что семья особо ничем не отличалась от других, но скандалы бывали, хотя и не часто, однако последнее время эта пара жила не особенно дружно. Буквально накануне, люди слышали шум в их квартире, и разговор шёл на повышенных тонах. Черновскую в последний раз видели, когда она утром выходила из подъезда. Её мужа – днём, выезжавшего на машине со двора.

– Когда будут результаты вскрытия?

– Судмедэкспертиза обещала в понедельник до обеда, – ответил следователь.

– Понятно, я думаю, розыском по этому делу будет заниматься, – начальник немного задумался и обвёл присутствующих взглядом, – тот, кто его начал – Чугунов. – Вопросы есть?

– Товарищ подполковник, – начал я, – у меня семь нераскрытых краж за последний месяц, как с ними быть? Кому передать?

– Приоритетная работа – именно это преступление, – в голосе начальства появились знакомые металлические нотки, – это первое. И второе – никому кражи передавать не надо, они уже раскрыты. Пока ты искал свидетелей, Василий Луков, больше известный нам как Вася – Чиполино, сам капитулировал и сейчас даёт показания дознавателю. Он и вещи принёс, которые ещё не успел сдать перекупщикам, и сумку собрал в СИЗО.

– Он что больной? – невольно вырвалось у меня, – ведь освободился только полгода назад и сам пришёл?!

– Да напугал ты его Чугунов, вот Чиполино и решил сам, чтобы со скидкой, так сказать.

– Я?!

– Ну да ты! Сколько раз побывал у него дома, вспомни?

– Раза четыре, но по другому делу, и не было Васи на месте. Я с его матерью разговаривал.

– Вот, вот. Он дознавателю так и сказал, – «если Чугун приходил, значит, знает, он просто так не ходит. Лучше самому сдать, скидка, какая-никакая будет». Ну, и удивили вы меня с Васей на пару, один просто так зашёл проведать, а второй просто так испугался, и сам явился с повинной. Первый раз такое вижу. Поэтому с кражами вопросов нет. Прошу всех присутствующих этим делом заниматься в первую очередь. Я связался с руководством УВД, расследованию дан «зелёный свет». Это означает, что нам будет оказана любая помощь с их стороны. Все свободны.

В коридоре ко мне подошёл Палыч.

– Зайдём ко мне, переговорить надо. Что делать думаешь, Саша? – спросил он, едва мы оказались в кабинете. – Духота какая! Гроза, наверное, будет, открой окно шире. – Палыч достал носовой платок и вытер шею.

– Надо обязательно разыскать самого Черновского, и предметно побеседовать с ним, – начал я, после того как распахнул створку настежь. – Где был, что делал... Потом проверить его показания. Но встречаться лучше после того как будет хотя бы предварительное заключение судмедэкспертизы. Меня интересует время, когда убили его жену. Обязательно побываю у неё на работе. Возможно там, что-то удастся выяснить, и по её служебным делам и по отношениям в семье тоже. И ещё, сегодня ночью исчез местный алкаш Симоня, который живет в этом же переулке.

– Ты думаешь, он как-то причастен к делу?

– Пока не знаю, но вдруг. Если через три дня не объявится, буду искать и его.

– Зачем? Может, пьянствует где, а мы бегать за ним будем, время терять.

– Может, Палыч, а может, придётся и баграми по дну шарить. Что-то мне беспокойно на душе.

– Сплюнь три раза, не хватало нам ещё один труп найти. В понедельник, прямо с утра давай в строительную фирму, где работала Черновская.

Глава 2

Сообщать кому-то о том, что погиб родственник или знакомый – дело тягостное, но никуда не денешься, и это приходится. После моего звонка в строительную фирму, где работала Черновская, в трубке раздались всхлипывания и лишь через некоторое время, секретарь сказала:

– Да, конечно, я сообщу директору, куда вам перезвонить?

– Либо на сотовый, он у вас должен высветиться, либо на служебный, – я назвал номер телефона.

Звонок раздался через несколько минут и секретарь сообщила:

– Директор, сейчас на объекте, в офисе появится через два часа, и будет на месте до конца дня. В любое время вы можете с ним встретиться. Охрану мы предупредим.

Когда я приехал на фирму, в вестибюле на столике в углу уже стояло фото Черновской с чёрной траурной ленточкой в нижнем углу. Быстро, однако, ориентируются люди, видимо опыт уже есть. С портрета на меня смотрела совсем молодая улыбающаяся женщина, вот только взгляд... кажется, будто смотрит человек куда-то очень далеко и видит то, что нам недоступно в этом мире. Недаром говорят, что экстрасенсы и по фото определяют, жив человек или нет. А, впрочем, кто его знает, и быть может, мне уже мерещится всё это?

– Александр Сергеевич, – меня окликнул охранник.

– О, Михалыч, какими судьбами. – Передо мной был Леонид Михайлович Мельников, человек, проработавший в нашем отделе, как он говорил, тридцать лет и три года. – Ты опять в дежурных? – поинтересовался я.

– А куда же мне ещё податься, в отделе в дежурке был, и здесь вот тоже. Сутки тут, и трое дома, чего ещё надо пенсионеру для полного счастья? Привык за столько лет. А ты зачем к нам пожаловал, если не секрет? По делу, – охранник кивнул в сторону портрета в рамочке, – или как?

– Лучше бы – «или как», Михалыч, а то ведь по делу.

– Ну, тогда, понятно. А что с ней произошло, или... сказать не можешь?

– Могу, и безо всяких «или». Убили, её Михалыч, убили.

– Ну, надо же, а, ведь она мне в пятницу вечером ключи от кабинета сдавала. И кто бы мог подумать... – покачал головой дежурный. – Я сейчас напарника подменяю, пока он в отпуске, вот и приходится выходить не по графику.

– Точное время сказать сможешь?

– Конечно, у нас всё записывается в журнал, кто сдал, когда сдал, – охранник перевернул страницу. – Вот, пожалуйста, смотри, пятница, девятнадцать часов, тридцать пять минут. И подпись её, что сдала, и моя, что принял.

– Михалыч, а что так поздно, ведь пятница же.

– Да откуда мне знать, Саша, моё дело – принял, выдал, расписался, и всё. А кто чего и как – не наша забота. Однако могу сказать точно, сколько раз дежурил за последний месяц, всё время она позже уходила, да ты сам посмотри, хотя и не положено без разрешения начальства, да ладно, закладывать не будешь, я думаю, а видеокамер тут нет, – и он протянул мне журнал.

Я достал свой блокнот и начал листать страницы дежурного журнала, записывая время ухода с работы Черновской. Точно, Мельников не ошибся, почти каждый день экономист задерживалась на работе то на час, то на два, иногда и дольше. Что же это получается, скандалы дома, о которых говорят соседи и задержки на работе. Что есть причина, и что есть следствие? Понятно, когда мужики не спешат домой, потому что там «бигуди и халат пятьдесят шестого

размера в шлёпанцах», но чтобы женщина топила в работе свои семейные проблемы? Верится с трудом, хотя как знать. Или всё наоборот?

– Михалыч, а она как уходила, одна или с кем?

– Саша, да по-разному. Машины то у неё ведь не было, то с главным инженером уезжала, то финансовым директором. Эти двое чаще других оставались после шести вечера, как и Черновская. Сам понимаешь, начальство, дня им не хватает.

– Ладно, Михалыч, спасибо за информацию. Пока о нашем разговоре... ну ты понял. Если что услышишь интересное, позвони мне, хорошо? Телефон не забыл?

– А то! Договорились, – Мельников закрыл журнал и положил его на полку.

В приёмной меня встретила секретарша, судя по голосу та, что разговаривала со мной по телефону. Вот уж точно – «не верь глазам своим...», и уж тем более ушам, добавил бы я. Настолько голос этой женщины не соответствовал её виду! Захочешь представить – не получится. Владелицей звонкого и чистого сопрано оказалась худющая дама бальзаковского возраста весьма внушительного роста с усталым лицом и синюшными мешками под глазами. Контраст усиливали очки в тёмной роговой оправе, точь-в-точь такие, как у нашей учительницы биологии в школе.

– Директор ждёт вас, – сказала она кивнув на дверь, после того как я представился.

Театр начинается с вешалки, а кабинет – с дверей, на которых была прикручена стандартная табличка – «Лучанов Анатолий Романович, генеральный директор». Обычный кабинет, обычного босса строительной фирмы. В рамках на стене – копии сертификатов и лицензий, полагающихся, такой организации. Безликий какой-то кабинет, чего не скажешь о его хозяине – уже не молодом и весьма солидном мужчине с ёжиком сидящих волос. И вроде бы обычный начальник, но взгляд! О таких говорят, – «видит насквозь», но как ни странно никакого дискомфорта от этого не испытываешь, скорее, наоборот – с первых минут встречи чувствуешь некую атмосферу доверия. Всё это называется двумя словами – личное обаяние. Однако обаяние – обаянием, а работа – работой.

– Присаживайтесь, – пригласил хозяин кабинета. – К сожалению, не могу сказать, что рад нашей встрече, повод не тот. Постараюсь помочь следствию, чем могу. Слушаю вас, – директор устало прикрыл глаза, и тут же снова посмотрел на меня.

– Анатолий Романович, меня интересует всё, что касается Анастасии Черновской, а так же я хотел бы поговорить с её коллегами по работе и, но прежде всего, услышать ваше мнение о ней.

– И выяснить насколько могла её профессиональная деятельность стать причиной гибели, не так ли? – продолжил директор. – Минералки не хотите? Жару, знаете ли, плохо переношу, а от кондиционера простываю. – Он налил себе стакан воды, достав бутылку из холодильника, стоявшего рядом в углу.

– Спасибо, нет. Её работа, возможно, и заинтересует нас, но пока ограничимся мнением сослуживцев. Это и проще и быстрее, чем копаться в документах. И уж если возникнут подозрения в том, что работа Черновской каким-либо образом связана с её смертью, вот тогда финансовой документацией займутся наши специалисты. Говорю об этом совершенно открыто. Ни о каких проверках, и уж тем более – изъятии документов сейчас речь не идёт, пока нет оснований.

– Ну, хорошо если так, – директор тяжело вздохнул, – впрочем, о чём я? Чего хорошего? Как же всё не вовремя! Хотя разве может быть такое вовремя?

– Некоторые считают по-другому, – заметил я.

– Попытаюсь сразу развеять ваши сомнения на счёт её работы, – продолжал Лучанов, – Черновская действительно была высококвалифицированным экономистом, но все решения принимались не на её уровне. Она занималась лишь технической работой. Финансовые вопросы у нас решают только два человека – я и мой финансовый директор. Поэтому прове-

ряйте, сколько хотите, ваше право. Возможно, и найдёте что-нибудь, строительство – отрасль сложная, но к Черновской это отношение иметь не будет, в этом я уверен. А с учётом того что у нас недавно была комплексная аудиторская проверка, которая ничего серьёзного не выявила, то смотрите сами. . . , копию акта следствию предоставим по вашему запросу.

– Анатолий Романович, в связи с чем, у вас работали аудиторы?

– Ну как же, неужели новости не смотрите телевизор? – Лучанов покачал головой. – Скандалов там не счесть. Дело в том, что у нас «зависли» два жилых многоэтажных дома. Кризис, знаете ли, и до нас добрался. Крутились, как могли, но всему есть предел. Дольщики не смогли получить жильё во время, потому, что мы в сроки не уложились. Некоторые оказались без крыши над головой. Люди брали квадратные метры под ипотеку, а там проценты драконовские. Люди-то думали, что если вступили в долевое строительство, то гарантия сто процентов что жильё будет.

– А разве не так?

– Тем долевое строительство и отличается от покупки готового жилья, что в принципе – это коммерческое предприятие, и соответственно, есть финансовый риск, форс-мажор, например. Кризис как раз из этой серии. Если желаете гарантию – покупайте готовое новое или что-нибудь, на вторичном рынке, но это будет дороже. Чудес, в бизнесе не бывает. Однако я отвлёкся, – Лучанов вытер платком, вспотевшее лицо. – В общем, на этом кое-кто захотел заработать очки, в том числе и наши конкуренты. Сейчас ведь главное не что и как строить, а где строить. Получить выгодную строительную площадку – уже половина успеха в нашем деле. Так вот они, эти самые доброжелатели наши, и стимулировали создание инициативной группы, которая обратилась в прокуратуру с заявлением о том, что у нас «царят злоупотребления», а я, будто бы, построил коттедж в Австралии на деньги дольщиков.

– Ну и как Австралия? Не жарко?

– Шутите всё. Люди у нас добрые, вот и подсказали, кому надо и то, что надо, – Лучанов усмехнулся. – Прокуратура тут же назначила проверку, которая выявила лишь мелкие нарушения, за которые предусмотрены штрафы, но уж никак не уголовная ответственность, хотя нервов потрепали, будь здоров. К тому же мы смогли взять кредит в банке, благо, что и уставной капитал позволил и основные фонды тоже солидные. Нас ведь уже, практически, собрались банкротить, я даже знаю, кого хотели назначить внешним управляющим и по чьей инициативе – тоже. Только, только начали вылезать из ямы, и на тебе! Черновская погибла. Если уж у вас вопросы возникают то, о чём говорят рядовые обыватели, вы догадываетесь. Для нас – это не просто потеря хорошего специалиста, но ещё и удар по имиджу фирмы.

– Анатолий Романович, я бы хотел услышать от вас о Черновской.

– Да, конечно, я понимаю, дела фирмы – это мои заботы и вы здесь по другому поводу, – Лучанов замолчал на некоторое время, и вновь налил себе минеральной воды. – Она пришла к нам лет пять назад, быть может, немного больше, – продолжал он. – Личное дело, при желании, можете посмотреть в отделе кадров. Если честно, то сначала к ней отношение было весьма настороженное. Это, действительно так.

– Почему?

– Ну как же, её муж – человек весьма известный в городе, благодаря своей работе.

– Но ведь есть профессиональная этика. И потом, любой негатив о вашей фирме с его подачи означал бы увольнение Черновской, как я понимаю.

– А вот тут как сказать, как сказать. . . Кто знает, что у человека на уме? И что для него главное? Этика или его профессия, впрочем, не мне вам объяснять. Однако за всё время с этой стороны у нас проблем не было. Анастасия Сергеевна со своими обязанностями справлялась в полном объёме. Работу делала всегда в срок. Я не помню, чтобы в её адрес были нарекания.

– Как складывались отношения у неё в коллективе и с руководством?

– Я не слышал, чтобы кто-то из подчинённых жаловался на Черновскую до последнего времени, а с руководством проблем не было, общий язык она умела находить. Только, вот недавно что-то у неё, видимо, случилось, но спросить напрямую, как-то не пришлось. Да я, именно так и считаю – все личные проблемы должны оставаться дома. Но, что было, то было. Напасти начались, будто кто сглазил. То с компьютером проблемы, то гарантийное письмо потерялось. Всё одно к одному.

В этот момент раздался звонок моего сотового телефона. На дисплее высветились знакомые буквы – ДЧ, «Дежурная часть».

– Прошу прощения, – извинился я.

– Александр Сергеевич? – в трубке раздался голос дежурного.

– Да, я.

– Сейчас передали, что на посту ГАИ, перед южным мостом задержали Черновского.

– Хорошо, уже еду, – я отключил телефон. – Анатолий Романович, дело неотложное, вынужден прервать нашу встречу, однако, думаю, что наш разговор ещё не закончен.

– Да, конечно, я отдам распоряжение, чтобы вас ознакомили со всеми документами, какие будут необходимы и все наши работники к вашим услугам. Если что-то понадобится, обращайтесь напрямую ко мне и в любое время, – Лучанов протянул визитку.

Я распрощался и вышел из кабинета. Впереди предстояла ещё одна важная встреча с очень важным свидетелем, которая может определить многое. Однако, картина, представшая передо мною на посту ГАИ, весьма озадачивала. Черновский сидел в наручниках и рядом, тут же один из патрульных вытирал кровь со своего лица.

– Что случилось? Почему в наручниках? – поинтересовался я.

– На людей кидается, товарищ капитан, – ответил командир экипажа. – Вот и пришлось принять меры. Специализированную скорую мы уже вызвали, сейчас должны подъехать, – хмуро ответил гаишник.

– Да что здесь происходит, в конце концов? Объясните!

– Остановили согласно распоряжению, до выяснения обстоятельств, – продолжил полицейский. – Потом он куда-то позвонил, а после, вдруг ни с того ни с сего, выскочил на улицу и попытался уехать. Коля его притормозил, – гаишник кивнул на напарника, – а этот на него кинулся, вот и пришлось одеть браслеты. Только непонятное что-то с ним. Потом рыдать начал и кататься по полу. Вот мы и вызвали медиков. Мало ли чего.

– Правильно сделали, жена у него погибла два дня назад, а он только сейчас узнал об этом.

– А-а-а ..., теперь понятно, – протянул милиционер. – То-то, я смотрю, взгляд у него ненормальный стал после этого звонка.

За окном скрипнули тормоза, и на пороге появилась невысокая темноволосая женщина в фирменной одежде работников скорой помощи, в сопровождении двух санитаров. В руках у доктора был оранжевый пластмассовый чемодан с красным крестом.

– Что случилось, где больной, – доктор вопросительно посмотрела на милиционера прижимавшего салфетку к своему лицу.

– Это он больной, – сказал сержант, кивнув в угол, где сидел Черновский, – а я пострадавший.

– Хорошо, пострадавший, давайте сначала рану вам обработаем, а потом и им займёмся, – врач открыла свой чемодан.

Через несколько минут сержанта на лбу красовался кусок пластыря.

– Рана не смертельная, но швы наложить придётся, – констатировала доктор, – ваше дежурство закончилось, как я думаю. Мы отвезём вас в травматологию. Что с больным? – она кивнула в сторону Черновского.

– Буйное поведение, пришлось надеть наручники, чтобы никого не покалечил, и себя тоже – сказал командир экипажа, – на людей кидается.

- А нормально разговаривать с ним пробовали?
- Конечно, только он ни на какие слова вообще не реагирует.
- Вот как? – доктор подошла к Черновскому. – Наручники снимите с него, – сказала она.
- Доктор, – начал было патрульный.
- Будьте любезны, сделайте то, что прошу, иначе я откажусь работать и сообщу об этом

в диспетчерскую.

– Доктор, но ваша безопасность... – милиционер щёлкнул ключом в замках наручников. – Вы, надеюсь, понимаете, что делаете.

– Абсолютно, моя безопасность – это моё дело. Василий Степанович подойди, пожалуйста, сюда, – попросила она санитаря. – Помогите мне измерить давление больному.

Санитар профессиональным движением надел манжету тонометра на руку Черновскому, и стал накачивать грушу.

«Действительно, с такими помощниками для врача все проблемы безопасности практически не существуют» – мелькнула в голове мысль. Ладонь у Василия Степановича, как две моих, и от одного вида его лица ноги становятся ватными. Грамотно доктор работает, «давление» не просто давление, а ещё и для того чтобы пациент был в руках у санитаря, в прямом смысле – в руках. «Второй номер» тоже не промах. Габаритами до Василия Степановича, конечно, не дотягивает, и похож на Чингисхана, но взгляд – острый и цепкий, и позицию занял выгодную – справа и немного сзади. Если даже больной дёрнется, тут же будет скручен без особых усилий в два счёта этими служителями Эскулапа. Однако журналист сидел, совершенно отрешённо, абсолютно не замечая того, что происходило вокруг.

– Товарищи полицейские, оставьте нас, пожалуйста, наедине с больным, как только мы закончим, я приглашу вас.

Через некоторое время доктор появилась в дверях и сразу же направилась ко мне.

– Вы здесь старший? – спросила она.

– Да, Чугунов Александр Сергеевич, уголовный розыск, – представился я. Что с ним?

– Думаю, пока ничего страшного. Тяжёлый стресс может вызвать и не такую реакцию.

Я поставила укол, дала таблетки, будет принимать дня три – четыре, пока легче не станет. Это поможет ему пережить трудное время. За руль вот только садиться нельзя, и хорошо, чтобы с ним был кто-то из близких или друзей. Вашего коллегу мы заберём с собой. Рана хотя и небольшая, но швы наложить надо, но это уже работа хирургов.

– А что с нашим больным делать?

– Отвезите домой, найдите родственников или друзей. Пусть побудет под их присмотром...

Договорить врач не успела. Шедшая в правом ряду «Тойота» с броской надписью вдоль борта – «ТВ Старт— 1» показав поворот, остановилась на площадке перед постом ГАИ.

– Вот, кажется, и те, кто нужен, – заметил стоявший рядом милиционер.

К нам подошёл высокий мужчина. Его дресскод говорил сам за себя. Брюки, рубашка, ботинки, в которые можно смотреться вместо зеркала, ровная двухмиллиметровая «недобритость», запах дорогого парфюма, пробивающегося даже через бензиновую гарь. Можно было подумать, будто он появился из рекламного ролика, рекламирующего люксовые автомобили. По одному виду было ясно, что настроен он весьма решительно.

– Я заместитель директора по персоналу телекомпании, – представился подошедший. – Мы бы хотели знать, что происходит, и кто из вас старший?

– Капитан Чугунов, уголовный розыск, удостоверение показывать надо?

– Не стоит, тем более что работники ГАИ здесь. Что случилось, и на каком основании вы арестовали нашего коллегу – Олега Черновского? Нам хотелось бы услышать объяснения по этому поводу.

Чувствуется подготовка. Сразу видно, что человек привык говорить от имени фирмы – «Мы ждём, нам хотелось бы...»

– Давайте сначала медиков отпустим, а потом и поговорим, – предложил я.

– Да, конечно, но лучше, если они нам сами расскажут о состоянии Олега Петровича, – сухо заметил топ менеджер.

– Пока ничего серьёзного, – начала доктор, – последствия сильного волнения. Я поставила укол и дала таблетки. Это поможет. Хорошо, что он не покалечился сам, и не причинил серьёзного вреда милиционерам, разве что бровь разбил патрульному. Придётся зашивать. Лучше всего, если бы ваш коллега на некоторое время оказался под присмотром близких ему людей. Это всё что можно сказать. Информацию о вызове мы передадим в районную поликлинику по месту жительства. Таков порядок. Прошу прощения, нам пора, если вопросов нет, то всего наилучшего, – она обернулась к санитарам. – Всё, поехали.

– Одну минуту, – я достал блокнот из портфеля и приготовился писать, – фамилия, имя, отчество, место постоянной работы и должность, домашний адрес, телефон?

– Это зачем? – удивлённо спросила женщина.

– Таков порядок, – повторил я её слова.

Сгодится на всякий случай, а чтобы долго не искать, лучше такую информацию всегда иметь под рукой. Наконец, карета скорой помощи, выехав на мост, исчезла в потоке машин.

– И всё же что произошло, поясните, пожалуйста – несколько раздражённо спросил менеджер телекомпании.

– Начнём с того что Черновского никто не арестовывал и даже не задерживал. Его остановили для проверки документов. ГАИ имеет на это право, вы знаете, три часа у них есть. Основанием послужила ориентировка, которая поступила из УВД. Её передали ещё в субботу, в тот день, когда утром был обнаружен труп Анастасии Сергеевны Черновской с признаками насильственной смерти. Олег Петрович – её муж. Сейчас он свидетель по делу об убийстве. ГАИ получила распоряжение остановить его для выяснения обстоятельств, связанных с гибелью его супруги. Мы не смогли с ним связаться в субботу, поскольку этот человек находился в краткосрочном отпуске и выезжал за пределы города. Об этом нам сообщили в вашей же компании. Вашего коллегу остановили для того чтобы допросить как свидетеля, подчёркиваю, допросить, а не арестовать, и только как свидетеля. Имеем право по закону.

Выдержав небольшую паузу, я продолжил:

– Говорю умышленно казённо-бюрократическим языком, и практически разжёвываю, исключительно для того, чтобы избежать какого-либо расширительного толкования моих слов. Остальное вы слышали от доктора.

– Согласен, пока у меня вопросов нет, – в раздумье произнёс кадровик. – Только вот что дальше делать будем?

– Допрашивать его бесполезно в таком состоянии. Придётся отложить наш разговор до лучших времён. Я думаю, правильнее всего – отвезти домой человека, и сделать так, как рекомендовала врач. Как только он немного придёт в себя, мы обязательно поговорим.

А поговорить с господином Черновским мне ой как хочется! И не только поговорить, но и посмотреть, что интересного есть у него в машине. И сделал бы я это бы я не один, а обязательно вместе с криминалистами. Но санкции нет, а на «нет» и суда нет.

– Доктор ясно сказала, что Олегу Петровичу нельзя садиться за руль, – продолжил я, – человек не в том виде, чтобы ездить по городу на машине. Мало ли что ему в голову придёт?

– С каких пор полиция так заботится о здоровье свидетелей? – небрежно заметил мой собеседник.

– Мы не благотворительная организация, но нам нужен живой и здоровый свидетель, а не очередной виновник ДТП. Частное определение суда по поводу того что «не приняли

исчерпывающих мер», мне ни к чему. Ключи от машины у вас? – я повернулся к инспектору ГАИ.

– Нет, мы не стали забирать их, он всё равно бы не отдал добровольно. В рапорте что писать, товарищ капитан?

– Всё как есть, обязательно укажите и данные врача скорой, и характер травмы вашего напарника со слов доктора, и координаты коллеги гражданина Черновского, тому, кто его забирает в целости и сохранности. Чтобы после вопросов не было.

– Ох, и бюрократы же вы, – покачал головой кадровик, – хотя в данном случае я понимаю вас. Надеюсь, расследование будет проведено в полном объёме, без нарушений закона и виновный понесёт наказание. Олегу Петровичу наша компания поможет с организацией похорон. Со своей стороны мы будем наблюдать за ходом следствия и постараемся быть в курсе всех событий.

– Разумеется, в рамках, определённых, законодательством, это ваше право – заметил я.

– Всего наилучшего, – менеджер подчёркнуто официально распрощался, и «десятка» Черновского в сопровождении машины телекомпании, развернувшись на развязке, направилась в город.

Говорит, будто прокурор на суде – «понесёт наказание», «наблюдать за ходом следствия» ... наблюдатель... И я надеюсь, что понесёт, и сделаю всё, чтобы это случилось, только сначала найти надо, а потом ещё и поймать. И «раскалывать» придётся, по-всякому. Убийство – это не мелкая кража из гардероба, и сдаваться добровольно вряд ли кто будет. О таких раскаявшихся я ни разу не слышал. Хотя, как знать. Поговорить с Черновским не получилось, а жаль, да и мне пора возвращаться в отдел.

Не успел я расположиться в своём кабинете, ко мне зашёл Палыч.

– Рассказывай, что удалось насобирать, – прямо с порога начал он.

– Может, чаю сначала, а по ходу дела и поговорим? – я достал из стола коробку с пакетиками и щёлкнул кнопкой чайника.

– Не откажусь, ну так что узнал? – Палыч устроился на стуле возле окна.

– На фирме у погибшей вроде бы ничего интересного, хотя надо будет ещё раз туда наведаться. С начальством Черновская жила дружно, так, по крайней мере, сказал директор, с подчинёнными тоже вроде бы конфликтов не было. Что касается её работы – такой вариант полностью исключать я бы не стал, но там у них была недавно аудиторская проверка, которую инициировали конкуренты, и которая ничего не нашла. Так, по крайней мере, говорит директор. Надо будет сделать запрос, и копию справки подошьём в дело. Мало ли как ситуация сложится. И вот ещё что... шеф Черновской обмолвился о том, что у неё в последнее время стали возникать проблемы. Он так и сказал – «будто сглазил кто». Только я в дурной глаз не особенно верю, может, доброжелатель какой завёлся? Хочу посмотреть, что изменилось у них за последние три – четыре месяца. Кто пришёл, кто уволился, что случилось. Там, кстати, наш Мельников в охране работает. Я журнал дежурства смотрел, Черновская в последнее время домой уходила после семи вечера.

– И что?

– Вот я и думаю, Палыч, может ревность? Банальная бытовуха...

– А с её мужем ты встречался? – Гусев размешал сахар в чашке.

– Осечка получилась, немного не успел. Он сцепился с гаишниками, которые остановили его машину. Сначала повёл себя агрессивно, а потом впал в истерику. Патрульные вызвали специализированную бригаду скорой помощи.

– В больницу отправили?

– Нет, пока домой в сопровождении его коллег. Те сразу приехали, как только Черновский им позвонил. Доктор сказала ничего серьёзного сейчас нет, но допрашивать его пока

нельзя. Успокойся немного, тогда и поговорим. Но я думаю, что надо бы ещё раз побеседовать с врачом. Сомнения у меня есть, вдруг это спектакль, чтобы время потянуть?

– Конечно, переговоры, только аккуратно. Кстати, я звонил в бюро судебно-медицинской экспертизы, результаты почти готовы. Наш криминалист, практически не ошибся. Смерть наступила, между семью и десятью часами вечера. Более точно эксперты скажут дня через два-три. После этого тело отдадут родственникам. Следов изнасилования нет, и есть одно «но». Женщина была на третьем месяце беременности. Саша, при первой же возможности допроси Черновского.

– Сделаем, Палыч.

Сделать-то сделаем, только если бы я знал, чем закончится мой первый допрос журналиста на следующий день...

Глава 3

Утром, как только я переступил порог своего кабинета, вернувшись с планёрки, раздался звонок внутреннего телефона.

– Александр Сергеевич, к вам посетитель, – сказал дежурный.

– Кто?

– Гражданин Черновский Олег Петрович.

– Пропустите, пожалуйста...

Через несколько минут в дверях появился и сам Черновский.

– Проходите, присаживайтесь, одну минуту, – из ящика стола я достал бланк протокола. – Олег Петрович, памятуя нашу вчерашнюю встречу на посту ГАИ и рекомендации доктора ещё раз хочу вас спросить, вы действительно желаете, чтобы наш разговор состоялся и готовы к этому?

– Да, конечно, я сам пришёл, и готов ответить на все ваши вопросы.

Но сказано это было как-то уж больно монотонно, будто передо мной сидел робот в человеческом облике, который просто воспроизводил речь с написанного текста. Хотя это вполне могло быть из-за таблеток, которые ему прописала доктор.

«Неужели явка с повинной?» – промелькнула мысль. Однако то чего мы ждём, часто не совпадает с тем, что потом происходит на самом деле.

– Паспорт с собой?

– Да, конечно, – он протянул мне документ в тёмно-коричневом кожаном переплётё, слегка потёртом на краях.

Записывая данные его паспорта, я исподволь наблюдал за своим собеседником, пытаюсь уловить его настроение. Передо мной сидел высокий, темноволосый, спортивного телосложения молодой мужчина, с правильными и пропорциональными чертами лица. Никаких намёков на не симметрию, которая могла бы свидетельствовать о скрытых отклонениях в психике, хотя это только теория, и то весьма спорная. А по жизни? А в реальности законченные злодеи с ангельским лицом не редкость... Едва пробивающаяся ранняя седина на висках, делала его особенно респектабельным. Такому бы рекламировать услуги солидного банка, типа – «кредиты бизнесу без поручителей и переплаты», а он здесь, в полиции, и сейчас я будку задавать ему вопросы, каждый раз, отмечая про себя, правду говорит или нет. Однако, никакого беспокойства или показного равнодушия на лице... А ведь должен нормальный человек волноваться, попав в нашу «фирму», хоть немного, но должен. Или успокоительные таблетки работают, или передо мной гениальный актёр. А может и то и другое сразу.

– Александр Сергеевич, можно узнать? – видя, что я закончил записи, поинтересовался Черновский.

– Да, конечно.

– Я хотел бы ознакомиться с официальным заключением судебно-медицинской экспертизы, ведь в свидетельстве о смерти практически ничего не написано, лишь медицинский диагноз.

– К сожалению, Олег Петрович, это возможно только по решению суда, и здесь я помочь ничем не могу, к тому же документ будет готов лишь через пару дней. Пока могу сказать, что сейчас дело возбуждено по статье об умышленном убийстве. Сначала вашу жену ударили по голове, а потом задушили. Изнасилования, как такового, не было. И ещё, – я немного помедлил, наблюдая за реакцией Черновского, – она была на третьем месяце беременности. Вы об этом знали?

– Что?! – Олег встал со стула и подошёл к окну.

«Наверное, плохо стало», – подумал я, – Олег Петрович, сядьте на место.

Но в следующий момент... Черновский попытался взобраться на подоконник, но у стула, что стоял рядом с окном, отломилась ножка. Это и дало мне шанс.

– Назад! – крикнул я, и метнулся к окну. Оказавшись рядом с ним, изо всей силы дёрнул его за ремень и едва успел увернуться от падающего на меня тела. Ударившись о край стола, Черновский оказался на полу.

– Пусти...!

Он взвыл, пытаясь вырваться. Передо мной был действительно соперник сильный, а учитывая существенную разницу в весовой категории, исход нашей схватки мог оказаться весьма спорным, и скорее всего, не в мою пользу, если бы в дверях не появился Юра Кожевников.

– Юра! Вяжи его...! Полотенце в шкафу, успел крикнуть я. И лишь вдвоём мы с большим трудом смогли скрутить Черновского. Однако, как только это произошло, наш противник разом обмяк, словно надувной матрас из которого вытащили пробку.

– Саша, что с тобой, ты весь в крови?

– Нормально, всё. Это он опять скандалит, – я кивнул в сторону Черновского, который сидел на полу, прислонившись спиной к батарее, – похоже зацепился за стол, когда падал с подоконника. Выброситься в окно хотел.

В кабинет вошёл Палыч.

– Чугунов, Кожевников, что за шум, в чём дело?

– Андрей Палыч, свидетель пытался выброситься в окно, Кожевников помог мне предотвратить ЧП.

– Вижу, что ЧП, – хмуро заметил начальник. – Кожевников, звони дежурному по отделу, пусть подойдёт с аптечкой сюда и вызовет скорую. А ты Чугунов – со мной.

– Сейчас, только умоюсь и рубашку сниму, а то вся в крови.

Я предстал перед грозными глазами руководства, после того как немного привёл себя в порядок и переоделся, благо что в шкафу оказалась запасная футболка, предназначенная для физ. подготовки.

– Саша, что произошло?! – Палыч явно нервничал.

– Андрей Павлович, – начал я. – Всё нормально, обошлось...

– Нормально?! Обошлось, говоришь?! Что обошлось!? Не хватало нам сейчас ещё один труп получить! Главный свидетель с разбитым лицом в полиции?! И кто? Всем известный журналист с телевидения! Это нормально, ты говоришь?! Нет, с вами тут точно до пенсии не доживёшь, вперёд ногами понесут...

Однако немного, поутихнув, он продолжил.

– Вот тебе ручка, вот бумага, садись и пиши рапорт прямо сейчас на моё имя, по поводу случившегося, – и уже совсем спокойно добавил, – ты, что не мог его аккуратно снять с подоконника, так чтобы крови не было? Знаешь ведь, с кем дело имеешь. Зачем вообще допрашивал?

– Думал, явка с повинной...

– Думал, думал... вот и пиши теперь свою «явку с повинной», смотри, чтоб ничего не упустил и... ничего лишнего.

Ну что же, рапорт, так рапорт.

«Начальнику отделения майору милиции Гусеву А. П.»

Так и хотелось написать «во первых строках своего письма спешу сообщить...», однако сейчас не до шуток, просто не поймут. А потому...

«В связи с инцидентом произошедшим ...числа, ... месяца, ... года, в кабинете №... в здании РОВД докладываю, что во время допроса по делу об убийстве гр. Черновской А. С., свидетель по делу – гр. Черновский О. П. видимо, потеряв контроль над собой, пытался выброситься из окна. Он неожиданно для меня встал со своего места, подошёл к окну и попытался

взобратся на подоконник, но был мною остановлен. Однако во время борьбы он (гр. Черновский) получил лёгкие телесные повреждения. Поскольку гр. Черновский— физически сильный человек и вёл себя агрессивно, я попросил о помощи капитана Кожевникова Ю. В. который заглянул в кабинет, услышав шум борьбы.

Вдвоём мы обездвигили гр. Черновского для того чтобы предотвратить дальнейшие попытки суицида. Сообщаю, так же, что на допрос гр. Черновского я не вызывал, зная о его состоянии. Он пришёл добровольно. Этот факт может подтвердить дежурный по отделу – старший лейтенант Оськин. Хотел бы отметить и то, что перед допросом я осведомился о состоянии здоровья гр. Черновского, и его готовности отвечать на вопросы, на что гр. Черновский ответил, что готов к разговору»

Ст. оперуполномоченный ОУР капитан милиции Чугунов А. С. число... подпись...

Явно нелитературный шедевр, но ничего, переживём, поскольку подобная бумага должна быть написана только так, чтобы исключить всякое неоднозначное понимание. И поэтому даже если фамилия «Черновский» будет повторяться дважды в каждой строке – не страшно, лишь бы всем было ясно – кто, что, когда, и как натворил. Это главное. А то, что моё творчество прочтут многие начальники с большими звёздами на погонах – факт.

– Кажется всё, – я протянул лист бумаги Палычу.

– Кажется не всё... теперь мне скажи на словах, из-за чего Черновский полез в окно? О другом я даже и думать не хочу, сам понимаешь.

– Да вроде бы всё нормально было, он поинтересовался результатами судмедэкспертизы. Я вкратце сказал, о чём там написано, и объяснил человеку, что он сможет ознакомиться с результатами по решению суда, и всё.

– И всё?

– Ну да, сказал, между делом, что Черновская была беременна, он, похоже, об этом ничего не знал. И кто бы мог подумать.

– Кто тебя за язык тянул?! Ты что первый день на службе?! Ладно, пошли к шефу, там всё и расскажешь.

В приёмной, как ни странно, было пусто, секретарь, видимо, отлучилась по делу. Увидав нас через открытую дверь, начальник на секунду, оторвался от бумаг и пригласил жестом войти.

Между собой мы звали его просто – «Кирпич». Прозвище дело такое, иногда суть человека отражает куда лучше, чем страницы характеристик из личного дела. Просто так оно не приклеится. А тут... и квадратное лицо, и приплюснутый боксёрский нос, и маленькие, глубоко посаженные серые глаза, и полное отсутствие эмоций на этом «портрете». Я бы сказал даже не кирпич, а железобетон. О некоторых людях говорят – «у него на лице написано то, что он будет думать завтра». И у нашего шефа тоже написано, но только одно слово – «ни-че-го». Я ни разу не видел, как этот человек смеётся. Не слышал, как он кричит или стучит кулаком по столу. Он всегда говорил ровным и спокойным голосом, но если он сказал – «уволю...», значит, пора собирать вещи. Если пообещал помочь, значит поможет.

– Рапорт написал? – спросил начальник, и немного помедлив, добавил, – спортсмен.

– Так точно.

– Андрей Павлович, ты ознакомился?

– Да, конечно, – кивнул Палыч, – моя подпись внизу.

– Давайте, – шеф взял лист и пробежал глазами моё сочинение.

– А теперь, расскажи, как дело было, бумага – бумагой, а на самом деле?

– Да так и было, как написано, чего мне скрывать. Черновский не в первый разведёт себя неадекватно.

– Скорее уж – адекватно, – констатировал Кирпич, только нам от этого не легче. Что сам думаешь?

– Если играет, то просто гениально. Будем разбираться.

– Пока разбираться будем с тобой, Чугунов, – начальник положил мой рапорт в отдельную папку. – Я отстраняю тебя от исполнения обязанностей до окончания служебного расследования по причинам вполне понятным. Этим займётся мой заместитель, ты можешь идти. С приказомознакомишься у секретаря. Кстати, табельное оружие у тебя где?

– В оружейной комнате, как положено.

– Ладно, иди, только из города никуда не уезжай, а ты, Андрей Павлович, останься, есть у меня к тебе некоторые вопросы.

Вот уж, действительно, хочешь рассмешить судьбу, расскажи ей о своих планах. Сегодня у меня много ещё чего запланировано, но все мои прожекты приравнялись к нулю, потому что свидетель которого я не вызывал, хотел выскочить в окно с третьего этажа, а я ему не позволил этого сделать, и я же ещё и крайним остался! А хотел ли он, или как? Интересная ситуация... однако, в интересной ситуации оказался именно я сам. Ну что же, утро вечера мудренее, как говорят в сказках. Но и в моём интересном положении есть один приличный плюс. Служебная проверка ещё не началась, а я уже свободен как в поле ветер, но зарплату мне всё равно платить будут, никуда не денутся, положено по закону. А пока я предоставлен сам себе, надо бы заскочить к родителям, у которых квартирует мой сын Пашка, поскольку детский сад закрыли неделю назад на ремонт, а жена в больнице.

– Саша, ты никак на обед решил заглянуть? – дверь открыла мама, из-за спины которой выглядывало любопытное лицо Пашки.

– Ну да, здесь был недалеко по делу, вот и решил зайти.

– Правильно сделал, я сейчас на стол соберу, минут через пятнадцать всё будет готово.

– Пап, а ты мне сказку считаешь, пока бабушка обед готовит?

– Конечно Паша, а какую?

– Пошли, покажу, – и мы отправились в комнату. – Вот эту про Буратино, Пашка достал с полки старенькую книжку в потёртом переплёте.

Знакомая вещь, надо же, сохранилась. Когда-то нам с братом её читала мама.

– Паша, может другую сказку, эту ты знаешь, да мультик ты видел раз десять.

– Нет, папа, давай эту, ещё разок. Читать лучше, чем мультик смотреть. Вот с этого места. Пашка открыл книгу и ткнул пальцем в страницу.

– «Солнце в Стране Дураков ещё не встало, а работа кипела во всю», – начал я свой монолог.

– Папа, а где эта страна дураков? – меня перебил сын.

– Паша, это же сказка, её придумал писатель – Алексей Толстой, страны дураков на самом деле не существует.

– А-а-а... – разочарованно протянул сынишка, – а я думал, она есть, значит и Буратино тоже писатель придумал, и золотого ключика не было? – он вопросительно посмотрел мне в глаза.

– Конечно же, нет, – я перевернул страницу.

Хотя мне иногда начинает казаться, что я даже знаю, где та страна, о которой писал граф Толстой. Но Пашке об этом говорить пока не стоит, а вот «ключик», правда не от той двери, за которой счастье, а совсем от другой – тяжёлой и с железным засовом, что закроется за настоящим, а не сказочным злодеем, мне поискать придётся, чует сердце.

– Мальчики! – с кухни раздался голос мамы, – мойте руки, садитесь за стол, обед готов.

Давно нормальной домашней пищи не пробовал, самому готовить и некогда и лень, а обеды в кафе – всё равно не то. Однако даже если я отстранён от службы, то те, с кем мне нужно встретиться этого пока не знают, а терять полдня... какой смысл? Ситуация однозначно разрешится, сейчас главное найти мотив и не упустить время. Меня ждёт врач со скорой помощи, которая была на посту ГАИ, и которой мне хочется задать только один вопрос.

Однако надо заскочить домой и надеть нормальную рубашку, а то в белой футболке с ромбом на груди и большой прописной буквой «Д» неприлично и по городу ходить, не то, что появляться на деловой встрече. Вообще-то «скорая», это её подработка, а доктор – научный сотрудник института психического здоровья, и сегодня она на своей основной работе.

Миновав вахтёра, который даже не оторвался от своей газеты с кроссвордами, чтобы поинтересоваться – «куда и зачем?», я поднялся по широкой лестнице с чугунными литыми перилами на третий этаж, и оказался в крошечном кабинете, в котором помещались лишь два стола, шкаф с книгами, да шифоньер для одежды. Тут одному-то повернуться толком негде, не то, что работать вдвоём.

– Присаживайтесь, – доктор кивнула на свободный стул, – слушаю вас, Александр Сергеевич...

– Доктор, – начал я, – только единственный вопрос. Там, на посту ГАИ, я не стал об этом говорить. Вы абсолютно уверены в искренности поведения Черновского?

– И стоило ради этого ехать сюда? Можно было и по телефону спросить, хотя вы, наверное, правы. – «Если хочешь провалить дело – позвони по телефону», – так ведь говорят? – женщина улыбнулась.

– Надо же! Не только я так думаю.

– Александр Сергеевич, я занимаюсь такой работой, что говорить об абсолютной уверенности вряд ли можно. Вы, наверное, это понимаете. Если же речь идёт о моём мнении, то извольте. У меня сложилось общее впечатление, что действительно Олег Петрович испытал тяжёлый стресс. Профессиональный опыт позволяет говорить именно так. Сказать, что это был хорошо отрепетированный спектакль, не могу. Хотя, подчёркиваю, сто процентной гарантии не даю принципиально.

– Тогда ещё вопрос, если позволите. Можете ли вы нарисовать психологический портрет Черновского?

– Вынуждена разочаровать вас, уважаемый господин детектив, более – менее достоверно сказать, что представляет человек, и целого дня не хватит, не то что, тех двадцати минут, что я общалась с ним. Тем более что мне не до этого было. Но я думаю, что он по темпераменту скорее – холерик. Вы знаете, что это такое?

– Да, психологию проходили, но некоторые мимо, – сознался я.

– Ну а если так, напомню, чём речь. Эти люди, как правило, импульсивные, порывистые, склонные к бурному проявлению чувств. Иногда могут быть и непредсказуемыми. Обычно они стремятся к лидерству. Одним словом – неуравновешенный тип нервной системы, возбуждение преобладает над торможением. Очень часто они преувеличивают случившееся. С ними сложно иметь дело. Кстати, как Олег Петрович?

– Сегодня опять скандал устроил, уже у нас в отделе. Однако вы правы, доктор, с таким человеком сложно иметь дело.

– Вы его допрашивали? Зачем?! Ведь говорила же что нельзя этого делать, ну хотя бы пару дней подождали, чтобы он стабилизировался.

– Да он сам пришёл, никто его не вызывал, а потом опять – «неуравновешенное поведение».

– Отложите насколько возможно разговор с ним, если не хотите проблем. Это моё мнение.

И моё – тоже. Тем более что проблемы уже появились, доктор, прямо как в воду глядела. Но то, что мне нужно, я узнал, а потому, пора и честь знать.

– Спасибо доктор, вы мне очень помогли, – я попрощался и вышел из кабинета.

Та же лестница, тот же вахтёр пенсионного возраста, люди в белых халатах и больничной «спецодежде», запах лекарств. Сразу чувствуешь, куда попал. Больница она и есть больница, хотя называется – «Институт...»

Мне вспомнилась сказка о золотом ключике, которую я читал пару часов назад своему сыну. На долю секунды появилось чувство, что этот ключик где-то совсем рядом, вопрос – где? В том, что мне рассказала доктор? Или...? Навстречу прошла медсестра, ведя за руку подстриженного наголо высокого парня, в серой больничной пижаме. Вдоль коридора санитарка везла на больничной каталке тюки с бельём, из дверей грузового лифта появился, крепкий мужчина с лестницей-стремянкой в руках и чёрным пластмассовым кейсом для инструмента, следом за ним – доктор удивительно похожий на Мефистофеля, в белом халате и со стетоскопом, висевшем на груди. Больница, как больница, ничего необычного. И всё же... откуда сомнения?

Однажды, давным-давно, ещё мальчишкой, в предисловии к какому-то остросюжетному роману, я прочёл о том, что если в работе детектива присутствует «интуиция» или «случай», то автор нарушает законы классики, ибо в этом жанре всё должно быть подчинено строгой логике, которой следует сыщик. Книга для того и пишется, чтобы разрисовать его таланты. Надеяться в розыскной работе на случай, конечно же, нелепо, но баек на эту тему в жизни хватает за глаза. Вон и Палыч рассказывал, как гонялся за грабителем три месяца подряд, а повязал его в двух шагах от райотдела, в магазине, куда зашёл по пути, купить минералки, потому что жара достала. Вот тебе и случай! Да и интуиция интуиции тоже – рознь. Анекдоты про внутренний голос все знают, но есть нечто такое, что мы замечаем краем глаза, но не придаём этому значения до поры до времени. Есть, но, при этом, где-то, там, за кулисами нашего сознания стоит суфлёр и шепчет – «влево посмотри, посмотри влево, там именно то, что ты ищешь». «Шёпот» совсем тихий, настолько тихий, что слов не разобрать. Но его слышно, и этостораживает. А потому – ещё раз по привычке я «отмотал плёнку назад».

«...Разговор с доктором, больничный коридор, лестница, санитарка с бельём, медсестра, подстриженный наголо больной, рабочий со стремянкой, врач – Мефистофель, вахтёр – пенсионер...» – нет, ничего необычного. А если так, пора домой, хотя можно ещё по пути заскочить в строительную фирму, тем более что поговорить с людьми по-человечески я не успел. Нарушать дисциплину, так уж нарушать до конца. Хуже не будет, нужно лишь предупредить Лучанова о своём визите. Однако, – «аппарат абонента временно недоступен, перезвоните позже...». Мне пришлось связаться с секретарём.

– Сожалею, – ответила женщина, – Анатолий Романович с вами встретиться не сможет, он сейчас в больнице и выйдет не скоро.

– Что с ним, если не секрет?

– Сердечный приступ, однако, он предупредил своего заместителя и меня о вашем возможном визите. Мы работаем до шести вечера. Можете обращаться напрямую к нашим сотрудникам, если что-то будет нужно, я готова вам помочь, – и она положила трубку.

Вот тебе и раз. Хотя ничего удивительного, постоянная нервотрёпка никому на пользу не пошла. И Лучанов тоже не из железа. А мне надо поговорить с подчинёнными Черновской, теперь уже бывшими.

В вестибюле строительной фирмы меня вновь встретил Мельников.

– Привет, Саша, опять к нам?

– Здравствуй, Михалыч. Куда же мне ещё податься? Что с директором случилось, ты знаешь?

– Народ, говорит, – Мельников понизил голос, – что как только полиция заинтересовалась делами, после твоего визита, так он сразу в больницу залёг. Вот так Саша. Ох, люди, люди... – охранник покачал головой.

– Понятно, а где у вас тут планово-экономический отдел?

– Поднимешься на третий этаж, по коридору четвёртая дверь, на ней написано – «ПЭО».

В этот момент раздался звонок телефона, стоявшего перед вахтёром. Я кивнул Михалычу и направился к лифту. В большой, достаточно просторной комнате, был отгорожен стек-

лянной перегородкой «аквариум» – рабочее место начальника отдела. На его двери остался прямоугольник, видимо от таблички.

«Король умер, да здравствует король!», то есть – королева, или свято место пусто не бывает. Быстро народ ориентируется, хотя о чём речь? Производственная необходимость, от которой никуда не деться. Сантиментам на работе не место. За столом сидела молодая не в меру располневшая женщина и бодро стучала по клавиатуре. Увидав меня в дверях, она кивнула, и, не отрываясь от компьютера, проговорила:

– Присаживайтесь, пожалуйста, одну минуту...

После того как работа была закончена, женщина спросила:

– Вы из полиции?

– Да, а что заметно?

– Конечно, взгляд у вас такой, знаете ли... профессиональный, оценивающий. Вы по поводу Насти Черновской?

– Да, конечно. Вы раньше в компетентных органах не работали? – в тон ответил я. – А то за одну минуту определили, откуда я и зачем. С кем дело имею?

– Извините, не представилась. Я заместитель начальника отдела – Ирина Дмитриевна Губина. Сейчас исполняю обязанности начальника отдела. Так что же вас интересует?

– Ирина Дмитриевна, проще будет, если я задам вопросы, и вы ответите на них. А не наоборот.

– Прошу прощения, я по привычке, – она немного смутилась, или сделала вид, что смутилась. – Десять лет работы руководителем, даже в ранге заместителя, делают своё дело, и я привыкла сама ставить задачи и спрашивать за исполнение.

– Давайте уточним, десять лет начальником здесь?

– Да, в этой фирме я уже достаточно давно, пришла сюда сразу после университета. И вот сейчас сделали и. о. начальника.

– Если я правильно понял, вы были в своей должности ещё до прихода к вам Черновской?

– Именно так. Нашим отделом руководила женщина пенсионного возраста. Директор держал её исключительно из-за того что она была очень хорошим и опытным специалистом. Вместе они проработали много лет. Но потом она заболела и уволилась.

– А почему вас не поставили на её место?

Однако я коснулся большой проблемы. По лицу моей собеседницы пробежала лёгкая тень.

– Не ко мне вопрос, видимо руководство посчитало, что Черновская более выгодная кандидатура. Но как бы там ни было, – Губина тяжело вздохнула, – отношения с Настей у меня сложились даже более комфортные, чем с предыдущим начальником, правда, не сразу. Я сначала даже хотела уволиться, но Черновская отговорила. А потом – сработались. Как специалист, она имела хорошую подготовку. Знаете, язык просто не поворачивается говорить о ней в прошедшем времени.

– Ирина Дмитриевна, меня интересует последний месяц. Что необычного, на ваш взгляд, произошло, кто уволился, кого приняли на работу. Быть может, что-то бросилось в глаза?

– Вы, наверное, уже осведомлены о скандалах вокруг нашей компании? – продолжала моя собеседница. – Так вот, только, только всё начало успокаиваться и такая потеря! Просто рок какой-то. А последний месяц... – она задумалась на мгновение, – последний месяц, он как бы предшествовал этому несчастью. Вроде бы, всё по мелочи, то тут, то там. Но всё будто бы складывалось одно к одному. И сложилось...

– Подробнее Ирина Дмитриевна, что за проблемы появились и откуда?

– Да если бы мы знали откуда!? Наверное, и Настя была бы жива, вы сейчас бы здесь не сидели. Я даже точно сказать не могу, с чего всё началось. Об аудиторской проверке вы уже

слышали и почему её нам её назначили, тоже, наверное, знаете, – произнесла доверительно Губина.

– Да конечно.

– Как положено, нас предупредили заранее, чтобы мы подготовили все материалы. И мы, конечно же, вместе с бухгалтерией срочно начали наводить порядок в документации. Я этим занималась тоже, но итоговый отчёт был у Насти на компьютере. Когда всё уже было почти готово, слетела операционная система и не просто слетела, а вышел из строя винчестер, вы это представляете?

– Отчасти, а в чём причина? Установить удалось?

– Наш айтишник информацию с винчестера восстановил, но не полностью, и нам пришлось часть данных собирать заново, а сроки ведь никто не переносил! Он сказал, что возможно, возникли какие-то проблемы с электричеством. Но как такое могло произойти? Совсем непонятно.

– Быть может вирус? – я сделал пометку в блокноте.

– Да откуда? У нас локальная сеть, и никакого общения с интернетом напрямую. Все компьютеры, что могут работать с флешками или выходить в интернет можно по пальцам пересчитать. Потом проверяли, ни у меня, ни у Насти, ни на других машинах вирусов не было. Так, толком, ничего не нашли. Но работать пришлось очень плотно. Раньше восьми вечера мы домой не уходили. Потом ещё гарантийное письмо потерялось, – моя собеседница развела руками.

– Что за письмо?

– Обычная практика, если наш заказчик не может рассчитаться вовремя, пишет официальное письмо, где просит пролить срок оплаты или реструктурировать задолженность. Но мы сами в долгах как в шелках, и нам надо перед банком отчитываться. Банкиры – тоже люди, там многое решают личные связи. Но бумага-то всё равно нужна! А тут была, и нет её! У секретаря зарегистрирована, Настя за неё расписалась и... потеряла. Правда потом нашли.

– Как, где?

– Вы не поверите! У Насти и нашли. Прилипла к днищу лотка для бумаги, который стоял на её столе. Ведь десять раз перетряхивали всё, а чтоб к днищу?! Я такое первый раз в жизни увидела. Черновская потом говорила, что вообще этот злополучный лоток никогда не трогала. Как письмо туда попало непонятно.

– Быть может, кто из ваших коллег постарался? Или техничка со стола пыль протираала? Вы дверь закрываете, когда уходите из кабинета по делам?

– Уборщица у нас работает давно и никогда ничего на столе не трогает, а дверь мы действительно не запираем, потому что здесь стоит сетевой принтер. Больше места не нашлось. И Настя тоже никогда её не закрывала на ключ, зачем? – Губина пожалала плечами. В нашем отделе всегда люди, а если уж все уходят, то входную дверь, конечно, мы запираем на замок.

– Ирина Дмитриевна, несколько слов об отношениях в коллективе...

– Знаете, если уж говорить по правде, то вы, наверное, имеете право подозревать в чём-то меня более всех других.

– Почему вы так думаете?

– Ну как же. Карьерный вопрос, это даже не квартирный, испортить может кого угодно, не только москвичей. По ситуации получается, что именно Настя мне перешла дорогу своим появлением здесь, и сейчас, вроде как, сбылись мои честолюбивые мечты, я заняла достойное место, – и, немного помолчав, она добавила, – вроде как. Ибо нет никаких гарантий, что приставка к должности «И.О.» исчезнет. Мой опыт и квалификация не самые главные аргументы при назначении.

– А что же тогда?

– С работой сейчас туговато, а с должностями топ менеджеров ещё сложнее. Поэтому руководители фирм пользуются этим как рычагами влияния – «я взял твоего человека на приличную работу, а ты, ну ты понимаешь...». И так везде. Рабочих лошадок всегда найти можно. Поэтому я абсолютно не уверена в том, что стану хозяйкой этого стеклянной каморки. У меня нет ни высоких покровителей, ни знаменитых и богатых родственников.

– Значит и Черновская тоже сюда пришла не просто так?

– Просто или нет, сейчас уже не важно. А был ли соблюден баланс интересов, судите сами. Как вы думаете, почему я выкладываю всю подноготную? – заинтересовано спросила Губина.

– Вы уже сказали – чтобы отвести от себя возможные подозрения и...

– И, я не то, что не уверена в своём назначении, я просто не сомневаюсь в том, что здесь будет сидеть другой человек. И я точно знаю, что перед тем как Лучанов лёг в больницу, к нему на собеседование приходил возможный кандидат на эту должность. Даже знаю кто, и чей это родственник. А высокопоставленные чиновникам из областной администрации отказывать не принято, вы же понимаете. Поэтому, вряд ли останусь здесь. Для меня гибель Насти это... – она отвернулась к окну. – Какая уж тут карьера.

– И ещё вопрос, Ирина Дмитриевна, какие отношения были у Черновской с подчинённым, с руководством?

– Два в одном? – женщина грустно улыбнулась. – Давайте по порядку. С начальством – никаких проблем. Нет, конечно, были мелкие конфликты, но это рабочие моменты. С подчинёнными...? То есть с нами? Сначала её коллектив просто не принял. Нет, никакого бойкота, конечно, и все её распоряжения исполнялись, но – дистанция. Вот она чувствовалась везде и во всём. Причины, были. Сам по себе женский коллектив – это уже сложные отношения. А тут – молодая, энергичная, умная женщина, недурна собой, муж – известный человек в городе. Обычная зависть. Но это постепенно ушло. Всё нормализовалось, по крайней мере, внешнего отчуждения не чувствовалось. Так было до последнего времени.

– Ирина Дмитриевна, щекотливый вопрос, но всё же... служебный роман?

– Многие были бы не против, но Настя держала потенциальных претендентов на расстоянии вытянутой руки, а может и дальше.

– Всех?

– Да всех, кого я знаю. За тех, кто мне неизвестен, ручаться не могу. А потом, что-то изменилось. Появилась раздражительность, она стала кричать на людей. Словом, отношения испортились. Я попыталась с ней поговорить, но Настя только отмахнулась. Потом как-то раз вскользь обронила, что у неё и дома с мужем проблемы появились. Скандалы начались. Однажды, я вернулась раньше с обеденного перерыва, и услышала, как она разговаривала по телефону с ним. Настя стояла у окна и не заметила, как я вошла. Разговор шёл на повышенных тонах, разве только мата не было. Потом она бросила трубку и расплакалась. Мне пришлось её успокаивать.

– Что, по-вашему, явилось причиной скандала?

– Тут и думать нечего, – решительно заявила Губина. – И так ясно – ревность. Дело в том, что накануне, мы задержались на работе допоздна. Настя вместе с мужем в этот вечер куда-то собиралась идти. Когда стало ясно, что вовремя мы не управляемся, и придётся остаться, она позвонила ему. С этого всё и началось. Потом нас отвёз домой главный инженер. Он тоже был здесь после работы. Я осталась в машине, а он проводил Настю до дверей подъезда. Вот и всё, собственно. Наверное, и Черновский видел это из окна. На следующий день у них и была ссора. Я потом сказала ей, что могу поговорить с её мужем, объяснить то, что на самом деле было. Она ответила, что будет только хуже. Он может подумать, что я её выгораживаю.

В такие конфликты лучше не вступать, это точно. Вот так вот всё и складывалось.

– Когда была ссора?

– Точно не помню, примерно за неделю до её гибели.

Что же это получается? Завал на работе, задержки допоздна, ревность. Два человека говорят об одном и том же, только разными словами. Карьерный вопрос, похоже, не актуален. Если верить аудиторам, профессиональная деятельность – тоже. Все неприятности, случившиеся с Черновской на работе, всего лишь стечение обстоятельств. Расстроенные нервы, рассеянность, ошибки, которые ещё больше накаляют обстановку... Остаётся чистая бытовуха. Или что-то не так? Интересно, что же произошло с компьютером, если вирусов так и не нашли? Чтобы винчестер просто так поломался? Надо бы поговорить со специалистом, может он что скажет.

– Ирина Дмитриевна, кто у вас занимается компьютерами и как найти этих людей?

– Их у нас всего двое, один обслуживает сами машины и множительную технику, «железо» как они говорят, а второй – он старший, Слава Ельцов, работает с программным обеспечением. Комната, где они работают, в конце коридора. Прошу прощения, – Губина взглянула на часы, висевшие на стене – мне срочно нужно закончить подготовку документов для финансового директора, он едет в командировку.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – я вышел в коридор.

А вот, похоже, и тот, кто меня интересуется. Из двери, возле лестничной клетки, показался невысокий рыжий парень, напоминающий Вина пуха. Он поставил на пол монитор и достал ключи, чтобы запереть дверь.

– Молодой человек, – окликнул я его, – одну минуту, подождите, пожалуйста.

– Слушаю, в чём дело? – «Вина пух» был в некоторой растерянности.

– Я из полиции, капитан Чугунов. У меня есть несколько вопросов к вам.

– Да, да, конечно, – парень поднял с пола монитор и открыл дверь ногой, – заходите.

Технари везде одинаковые, что есть, то есть. Наверное, это даже не профессия, а образ жизни. Стоит оказаться в помещении, где обитает эта публика, сразу становится ясно, куда попал. Принтеры, копиры, мониторы, – везде, на столах, стеллаже, на полу и друг на друге. Остаётся загадкой как эти люди ухитряются ориентироваться в таком бардаке. И как непременные атрибуты – обязательно чайник, рассыпанный сахар и три немытых стакана на столе, как минимум. Но то, что я увидел на стене, удивило, даже меня. А там, там была картина, – урбанистический пейзаж, но не просто полотно в рамке, а как сейчас говорят – инсталляция. Картина, собранная из печатных плат, винчестеров и ещё какой-то электроники.

– Ну как, нравится? – перехватив мой взгляд, хозяин этой среды обитания ничуть не смутился.

– Несколько необычно, – заметил я.

– Это всё сделано из списанной техники. На запчасти никуда не идёт, а сдавать на извлечение драг металлов некому. Не берут люди. Раньше была одна фирма, но ребята закрылись. Говорят, инспектора всякие проверками замучили. Вот потому проще выбросить на свалку. Простите, не представился, Ельцов Вячеслав Витальевич, можно просто – Слава. Садитесь, пожалуйста, – «просто Слава» убрал со стула, стоявшего около окна небольшой принтер. – Слушаю внимательно.

– Если внимательно, – начал я, – то меня очень интересуется, что произошло с компьютером Анастасии Черновской?

– Знаете, что скажу, – неуверенно начал Слава, – мне до сих пор самому неясно, что тогда случилось. Вы представляете, как устроен компьютер?

– В самых общих чертах.

– Вот, посмотрите сюда, – он кивнул в сторону своего «пейзажа», – вот эта серенькая коробочка посередине – винчестер, где записывается вся информация.

– Я в курсе.

– Он устроен таким образом, что внутри его вращается магнитный диск с бешеной скоростью. Над ним висят головки как у старых магнитофонов, которые считывают информацию.

Только, совсем крошечные, и находятся они в тысячных долях миллиметра от поверхности диска.

– И что?

– Обычно, если происходит заражение вирусом, стирается информация, но физических повреждений нет, а тут головки оцарапали диск, и восстановить полностью все данные просто не удалось. То есть произошло физическое крушение «винта». Мне пришлось просить помощи своих знакомых инженеров, чтобы хоть что-то считать.

– Слава был вирус или нет?

– В интернете я встречал информацию о том, что такие вредоносные программы вроде бы есть, но до этого не сталкивался.

– То есть, вирус?

– Не могу сказать точно, удалось восстановить только то, что касалось отчёта, да и то не всё.

У меня мелькнула слабая надежда.

– Слава, где сам винчестер?

– Как где, выбросил, – Ельцов удивлённо посмотрел на меня, – этого добра, вон, сколько на стене висит. Было бы что-нибудь стоящее, обязательно прилепил бы. А так – стандартный «винт», ничего интересного.

Чёрт, чёрт, чёрт! Действительно сегодня не мой день. Свидетель едва в окно не выскочил, рубашку пришлось выбросить, от службы отстранили, вещ. док, который мог бы поставить точку в деле утрачен. Точно, моя звезда удачи где-то за горизонтом, и когда она появится над головой, не ясно. Однако звёзды – звёздами, а дело – делом, нужно всё выяснять до конца.

– И ещё вопрос. Каким образом возможен доступ к вашей локальной сети?

– Вы имеете в виду съёмные носители?

– И выход в интернет тоже.

– У нас всего двенадцать компьютеров, которые могут использовать флешки. В сеть могут выйти пять, DVD дисководов нет ни на одной машине. Это анахронизм. Директор сразу сказал мне, чтобы я оставил самый минимум пользователей с такими возможностями. «Люди приходят, на работу работать, вот пусть и работают, а не в игрушки играют или соц. сетях торчат» – его слова.

Я после проверял все эти машины на наличие вирусов – там всё чисто.

– Окончательная версия?

– Целых две, поломка самого дисковода, – Слава постучал по винчестеру на своём «пейзаже». – Любая техника, даже самая надёжная имеет право на отказ, и проблемы с электричеством. Там, где в сети одновременно работает более пятидесяти персоналок, такое возможно, источники бесперебойного питания в этом случае не помогают. Технически эта проблема мало изучена. Я думаю, что так и было – какое-то перенапряжение в сети. У нас и сигнализация глючила, мне об этом мастер по обслуживанию говорил, они даже что-то там заменили. Если такое произошло, когда Анастасия Сергеевна включала или выключала компьютер, то может быть и «винт» накрылся из-за этого. Фатальное стечение обстоятельств, как говорится. Это пока всё что могу сказать.

Действительно – фатальное, надо же, как не везло Черновской. И у меня с этим делом тоже косяки сплошные. Может, астральная инфекция? Говорят, есть нечто подобное. Тьфу! Придёт же такое в голову, однако пора домой. Мои грустные размышления прервал звонок сотового телефона. На связи был Палыч.

– Саша, чем занят? – спросил он.

– Домой еду, расслабляться собираюсь после утреннего стресса, – соврал я.

– Это хорошо, сегодня отдохни, а завтра в отдел с утра.

– Так меня же отстранили.

– Ну да, начальство решило только от этого дела, а тебе что больше заняться нечем? Так я тебе работу найду.

– Всё понял, буду.

Если вытаскивают на службу, значит, никто всерьёз не верит в то, что я выколачивал признательные показания у журналиста недозволенными способами. Это радует. У меня даже настроение приподнялось. А раз так, то можно и пивка попить, тем более что сегодня футбол и никто ворчать не будет, зато что, мне заняться больше нечем, кроме как смотреть, на то, что двадцать два здоровых мужика бегают за одним мячиком. Тем более что брат угостил вялеными кальмарами, которых он привёз из командировки с Дальнего Востока. Это куда лучше, чем чипсы со вкусом красной икры, или то, что продают в красивых пакетиках под названием – «деликатес».

Кальмары, пиво, любимая команда рвёт противника на части, как Тузик грелку... время летит незаметно. А раз так, то отдых получился, что ни говори. И погоду на завтра дежурная метео секс бомба пообещала не такую жаркую. Жить можно. Интересно, что ещё есть по другим каналам? Умный человек придумал лентяйку, в смысле – пульт дистанционного управления. Не надо всякий раз прыгать к телевизору, чтобы потыкать кнопки, если что-то не нравится. Можно хоть каждую секунду переключать, правда, выбор не очень, чтобы очень, не смотря на кажущееся разнообразие. Спорт, еда в разных вариантах, постоянные разборки кого-то с кем-то, пара каналов для детей. Ага, ну, надо же! И тут Буратино со своей командой. Только вот друзья у него какие-то странные... Атремон вовсе и не пудель, а огромная серая дворняга, Карабас похож на доктора – Мефистофеля из института психического здоровья. Папа Карло – вылитый бомж, совсем мелкого роста, а Пьеро вообще – работяга в синем комбинезоне. И золотой ключик почему-то торчит в замочной скважине электро щитка на лестничной площадке. Да что же это такое?! Неужели креативные режиссёры и до детских сказок добрались! Но изображение! Контрастное, чёткое, никаких помех! Наверное, новый цифровой канал с виртуальным 3 D запустили по указу Президента. И щиток, вот он, прямо перед носом, всего лишь в шаге от меня.

Интересно, что же там, внутри этого шкафчика? Я попытался протянуть руку, чтобы повернуть ключ, но она будто налилась свинцом и никак не желала слушаться. Наконец мне удалось сделать то, что я хотел, но пальцы схватили лишь пустоту. В кисть будто воткнулись десятки иголок. Пьеро, Артемон, похожий на волка, и Карабас с бородкой театрального злодея, в мгновение ока исчезли. А я..., а я опять на диване, и на экране деревянный мальчик Буратино разговаривает с мудрой черепахой Тортилой. Вот чёрт! На часах – одиннадцать дня. Ну и кальмары! Наверное, спец посол. Спал как удав, почти половину суток, даже будильника не услышал, и рука затекла. Это всё пиво. И приснится же такое. Наскоро позавтракав и пообедав заодно, я помчался на работу.

Глава 4

- Едва я расположился в своём кресле и включил компьютер, как в дверях появился Палыч.
- Чугунов, у меня для тебя две новости, – начал он прямо с порога.
 - Палыч, как обычно? Одна, не очень чтобы очень, а вторая совсем не очень, или как?
 - Или как. А если по правде – очень даже ничего. Представь себе что ни у прокуратуры, ни, соответственно, у наших из отдела собственной безопасности к тебе вопросов больше нет.
 - Это как это? – я даже опешил от неожиданности. – Когда успели? Мне казалось, с неделю нервы мотать будут, как минимум.
 - А так, Черновский вчера, после того как его отпустили из больницы сам пошёл в прокуратуру и написал там заявление.
 - Сдался что ли?
 - Размечтался. Заявление о том, что в состоянии крайнего эмоционального возбуждения он пытался выброситься из окна, а ты, можно сказать, спас его от гибели.
 - А медаль будет?
 - Ну, Саня, ты наглый. Спасибо скажи за то, что под суд не пошёл и за то, что он догадался в прокуратуру явиться, а не сюда, к нам, а то бы нас опять склоняли во всех новостях, потому что запугиваем законопослушных граждан. Ты что не мог его аккуратно повязать, ну так, что бы без травм?
 - Палыч, я же говорил. Мужик то он крепкий, хорошо, что вместе с ним в окно не вывалился. А меня же ещё и под суд! Вот и спасай людей после этого... Рубашку потом пришлось выбросить, стирать бесполезно – вся в крови. Хоть бы компенсацию дали.
 - Ага, ты ещё заявление напиши на материальную помощь.
 - Обязательно, и укажу, что моя пострадавшая, и навеки утраченная собственность – вещь эксклюзивная, прямо от Пьера Кардена и стоит целых пять тысяч баксов.
 - Ну, ну, Саня пиши, пиши, бумага всё стерпит. Только потом долго будешь объяснять нашим оэсбэшникам, откуда у рядового опера бабки нашлись на такую рубаху. Поэтому подумай, так, на всякий случай, – Палыч покрутил пальцем у виска.
 - Уже подумал и уже осознал. Не буду писать. А вторая новость, которая совсем не очень?
 - На, полюбуйся, – Гусев с раздражением бросил газету на стол. – Нет, ты почитай, почитай! Мы уже скоро станем героями многосерийного триллера под названием – «Спрут по-русски»!
 - Андрей Палыч, да о чём ты, первый раз что ли? Тем более что всё развязалось, и мы теперь как в песне – «перед людьми и совестью – права...».
 - Знаешь, Чугунов, раз, конечно не в первый, но лишь бы не стал последним. Ясно, если по фамилии, то Палыч уже успел получить приличную пилюлю.
 - Кофе есть? – он присел на стул возле окна.
 - Сделаем, – я щёлкнул выключателем чайника и достал из тумбочки чашку. – Да что случилось-то?
 - Знаешь, с кем я общался час назад? – Гусев посмотрел на меня поверх очков.
 - Догадываюсь, с начальником райотдела, с кем же ещё?
 - Если бы только с ним, – Палыч налил кипятка в чашку, – на разборке лично присутствовал сам генерал, он её, собственно и учинил. А как ты думаешь, с кем генерал разговаривал до этого?
 - Андрей Палыч, я у начальника УВМД в референтах не состою, там другие качества нужны.

– Это правильно – другие. Сначала он имел разговор с замом губернатора по безопасности, а уж потом имел с нами, а если точнее имел нас, всех сразу. Хорошо, что тебя под руками не оказалось. Ты, кстати, где шатаешься с утра, почему сотовый не отвечал?

– Зубы к стоматологу ходил чинить, могу квиток показать – соврал я, – он определил, что болят на нервной почве.

– Ну, надо же! Я про зубы так и сказал шефу.

– Ценю вашу проницательность, товарищ майор, однако даже со стороны заметно, что завели вас как довоенный патефон на всю катушку, – не удержался я.

– Ладно, не прикалывайся, лучше дай сахару. Я тут кое-что отметил. Прочти и подумай, жду через час у себя.

Он вышел из кабинета, так и не притронувшись к кофе.

Странно, что же это такое сегодня творится. Наверное, моя звезда удачи со вчерашнего дня так и не появилась из-за горизонта. Однако внимание привлёк броский заголовок, заботливо выделенный жёлтым маркером. Вот уж точно – жёлтая пресса.

«Скованные одной цепью, связанные одной целью...» Где-то я уже это слышал.

«... Когда верстался номер, нам стало известно о том, что наш коллега – журналист телеканала «Старт— 1» после допроса по делу о жестоком убийстве его жены – Анастасии Черновской был доставлен в больницу с травмами криминального характера. Мы вправе спросить у власти: – «До каких пор будет продолжаться полицейский беспредел!? До каких пор люди в погонах, именно те, кто обязан нас защищать, не щадя жизни, от бандитов, убийц и прочей криминальной нечисти, сами будут фактором повышенной опасности для общества?» ... По имеющимся данным из осведомлённых источников, мы предполагаем, что мотивом убийства Анастасии Черновской вполне могла оказаться профессиональная деятельность Олега Черновского.

Нам стало известно так же, что им готовился материал о связях некоторых криминальных авторитетов, курирующих рынок нелегальной рабочей силы, и сотрудников правоохранительных органов, делающих из нелегалов вполне легальных рабочих, разумеется, за вполне приличные деньги... К сожалению, нам не удалось связаться с самим Черновским, чтобы получить более подробную информацию... На данный момент, по заявлению врачей его жизни уже ничто более не угрожает. Он покинул больницу, куда был доставлен после так называемых следственных действий... в пресс службе УМВД, как обычно, весьма скупко прокомментировали ситуацию, заявив, что по этому факту будет сделана объективная служебная проверка, до завершения которой, инспектор, проводивший допрос, отстранён от работы... сомневаться в «объективности» такой проверки вряд ли приходится, и поэтому мы оставляем за собой право вести своё журналистское расследование, о результатах которого обязательно сообщим нашим читателям. Мы будем требовать справедливого наказания всех лиц причастных к данному случаю вопиющего беззакония... Ирина Соболева».

Ясно, уже и в потенциальные преступники попал, которые творят вопиющее беззаконие. «Коррупцированные сотрудники» и их отношения с криминалом не по моей части, однако, несмотря на «воду», связь с профессиональной деятельностью журналиста, какой бы она не была маловероятной, отбрасывать никак нельзя. Поэтому мне придётся, скорее всего, составить разговор с этой самой гражданкой Соболевой и прояснить что же это за осведомлённые источники, на которые она ссылается, а заодно и носом ткнуть главного редактора в заявление самого Черновского, которое он сделал прокурору. С такими соображениями я переступил порог соседнего кабинета.

– Ну, что надумал? – Палыч оторвался от бумаг.

– А чего тут думать, ноги в руки и к Соболевой на аудиенцию. Вызвать бы её конечно сюда, да побеседовать по-человечески, но может упереться.

– Так и так упрётся, будь уверен. Ты там сильно не наезжай, дело приняло резонансный характер, и с этой самой четвёртой властью сейчас аккуратнее надо. Знаешь, что ещё сказал генерал?

– Откуда же?

– Он прямо заявил, сделайте мол, что хотите, как хотите, гадайте на картах, прыгайте с шаманами через костёр, идите к психологам и экстрасенсам, задействуйте всю агентуру по полной программе, но результаты, должны быть! И смотрите, чтоб ни, ни!

– Чего ни, ни, Палыч?

– Ни одной жалобы на нас, вот чего ни, ни! Кстати, что думаешь про нашу связь с криминалом и профессиональную деятельность Черновского?

– Думаю, что за коррупцию в наших стройных рядах есть кому деньги получать кроме меня. А чтобы убили жену журналиста, из-за того что тот готовит какой-то там материал? Совсем маловероятно. Если бы уж сильно кого-то достал, грохнули бы самого, а её? Зачем? Чтобы напугать разоблачителя? Или чтоб другим неповадно было? Возможно, кого-то пристращать? Тогда кого? Ну, это уж совсем беспредел! Да и слишком кучеряво получается. Как говорили ещё оперативные работники древнего Рима – «ищи, кому выгодно». Надо будет кое с кем потолковать.

– Вот и правильно, поговори обязательно, только гляди, не засветись на людях, а то ведь точно связь с криминалом припишут. Кстати посмотри и по работе самой Черновской. Строительная фирма, дольщики, бухгалтерия, даже если сама деньгами не рулила, то могла знать кто, что и как. Отрасль такая, мутная, сам знаешь, справки наведи аккуратно, с бэповцами поговори, они уже команду получили оказать тебе помощь.

– Андрей Павлович, я уже...

– Чего уже?

– У строителей побывал, говорю. И даже два раза.

– Это когда же ты успел, а? Уж не вчера ли? – Гусев подозрительно глянул поверх очков.

– Именно так и есть. Ехал, себе, ехал в расстроенных чувствах, а тут раз, и эта контора прямо по курсу, ну как, думаю, не заскочить.

– А ещё где успел отметить вместе со своими чувствами?

– В институте психического здоровья.

– Вот что, Саша, чтобы чувства твои не расстраивались, и не тянуло тебя, куда попало по пути, с вечера рекомендую настоятельно ничего крепче кефира не пить, а с утра завтракать плотно. Пока, жвачки мятной пожуй, чтоб у начальства вопросов не было, где ты зубы чинил – Палыч протянул мне пластинку в блестящей упаковке «со взрывным вкусом мяты». – На счёт института, ты пошутил или как? А то ведь я, как твой непосредственный начальник, должен знать, в каком состоянии мои подчинённые.

– Нет, всё по правде, я разговаривал с доктором, которая была на посту ГАИ и успокаивала Черновского. Меня очень интересовало мнение специалиста о поведении нашего свидетеля. Не уверен я в том, что он искренен, не уверен, Андрей Павлович. Доктор хотя и говорит, что Черновский сейчас находится в весьма непростом состоянии, но тоже сто процентной гарантии не даёт, что он не притворяется.

– Саша! Да какие гарантии! Ты о чём думал, когда допрашивал этого журналиста?

– Да так... Андрей Палыч, ты в окно выгляни.

– Зачем?

– А ты посмотри, посмотри, что там.

Гусев подошёл к окну и, открыв створку, глянул вниз.

– Давно это тебе в голову пришло?

– Полчаса назад, – ответил я, – когда шёл на службу. Со стоянки видно, что на бетонном козырьке над входом в здание лежат пачки минеральной ваты, которой будут утеплять фасад.

А мой кабинет на третьем этаже как раз над этим козырьком. Если бы Черновский вывалился из нашего окна, то точно, не убится бы. Может, руку, там или ногу повредил, но жив бы остался, это факт.

– Думаешь, пытался бежать? Тогда он заранее должен был знать, что ваш кабинет прямо над входом. А к окну во время допроса он не подходил, как я понял из твоей объяснительной. Так?

– Именно, только когда я звонил ему накануне, то сразу назвал номер моего кабинета и то, что он расположен рядом с холлом третьего этажа, который как раз выходит на козырёк и наше окно тоже.

– Значит, знал?

– Ну, да, только непонятно – зачем статья в газете, если сам же заявление написал? Что-то не стыкуется, и пока я не знаю, что. Бежать? Вряд ли. Ведь сам пришёл, да и поймали бы его через пару дней, зачем ему это. И тогда по-всякому бы закрыли. А вот отвести от себя подозрение, быть может, и да. Человек он не глупый и если сыграл на опережение, то сделал это просто классно. Тогда мы будем искать вчерашний день под его чутким руководством.

– А если всё по правде?

– Посмотреть бы за ним надо, Андрей Палыч, может, тогда и разберёмся, как всё обстоит на самом деле.

– Пока не получится, сам понимаешь. Нет достаточных оснований, чтобы наружку за ним запустить. Он – свидетель, а не подозреваемый, да и с людьми сейчас трудно.

– Ясно, но об этом мы бы подумали завтра, как говорят в кино. Но... придётся сегодня. Я и хочу это время использовать для того чтобы подготовиться ко дню грядущему. Поскольку наши «сенсоры» заняты другим делом, и им не до нас, а завтра похороны Черновской, надо обязательно провести рекогносцировку на местности как у военных – сделать предварительную разведку, чтобы моё присутствие в глаза не бросалось, а я бы видел, как можно больше. Палыч, а может, кого в помощь дашь? Юру Кожевникова, к примеру?

– Слова не мальчика, но мужа, – Гусев снял очки и протёр их носовым платком. – С Кожевниковым не получится. Мне он не подчиняется и кладбище не его участок. А определим мы тебе в напарники молодое пополнение, ему тоже обкатку проходить надо. Я уже переговорил с их начальником, и завтра на этом мероприятии будет... – он открыл рабочий блокнот. – Будет, Зоркальцев Дмитрий Владимирович, которого к нам перевели два месяца назад. Он уже в курсе. С ним и будешь работать.

– Палыч, ты, случаем в шоу экстрасенсов не хочешь участвовать? А то мне не по себе, мысли, прямо, читаешь.

– Поработай с моё, и у тебя получится. Кстати, как твоя жена?

– Да пока всё в норме. Доктора говорят, что особых отклонений нет, но будет лучше, если полежит ещё пару недель на сохранении.

– Ладно, займись делами, а завтра с утра в газету, потом на похороны, и активизируй свои оперативные контакты.

Молодым пополнением оказался высокий парень, как говорят – «плотного телосложения», который сам подошёл ко мне в коридоре.

– Здравствуй, товарищ капитан. Я по распоряжению начальника отделения направлен вам в помощь.

– Здравствуй, я – это кто? – Хотя и так понятно – кто, но к порядку молодое пополнение приучать надо сразу, для его же пользы, – «преемственность поколений» называется.

– Лейтенант Зоркальцев, Дмитрий Владимирович, – спустя несколько секунд он добавил. – Можно – просто Дима.

– Хорошо, пошли ко мне, просто Дима, там и поговорим. Не в коридоре же осуждать служебные дела. Давай рассказывай, чем обрадовало тебя начальство? – спросил я, оказавшись в своём кабинете.

– Оно сказало, что неделю я буду в вашем распоряжении, товарищ капитан.

– Александр Сергеевич, – поправил я. – Мы люди хотя и служивые, но это не армия, и по званию к человеку обращаются, обычно, когда его надо «построить».

– Ну да мне об этом ещё отец говорил, – парень ничуть не смутился.

– А что ещё говорил твой папа?

– Александр Сергеевич, он работал в милиции почти тридцать лет, и всегда считал, что наша работа определяется тем, насколько хорошо мы знаем ситуацию на месте, и от кого можно получить достоверную информацию.

– Выражаясь профессиональным языком – агентурными позициями, – подвёл итог я. И каковы же они на твоём участке, я имею в виду старое кладбище? Нам завтра надо будет побывать на похоронах, а перед этим – сегодня съездить и посмотреть на месте что и как. Только переоденься, в форме не стоит. Задача понятна?

– Да конечно. Есть у меня там знакомый человечек, он, если что, подскажет.

– Тогда поехали, встретимся возле ворот. Успеть бы, пока народ не разбежался, хоронят-то обычно до обеда.

Пик рабочего дня на территории муниципального предприятия «Спецкомбинат» прошёл, когда мы оказались перед воротами, за которыми вечность. Часть торговцев венками, уже покинула свои насиженные места, и можно спокойно припарковать автомобиль, не опасаясь, что очередной катафалк зацепит его бампером. К моей машине подошёл Зоркальцев, как только я выключил зажигание.

– Нам туда, – Зоркальцев махнул рукой в сторону небольшого одноэтажного здания из силикатного кирпича, стоявшего немного поодаль от главных ворот.

– Не зачем мне там светиться, – ответил я. Сходи, переговори, а ещё лучше пригласи своего знакомого сюда, в машине и потолкуем.

Своим человечком оказался невысокий мужчина в рабочем комбинезоне. Слабый запах алкоголя, исходивший от него, говорил о том, что он совсем недавно «принял на грудь». Оказавшись в салоне, мужчина протянул руку для приветствия.

– Владимир Егорыч, можно просто – Егорыч, что интересует нашу милицию? – и, как бы извиняясь, добавил. – Мы тут немного посидели, конец рабочего дня, у одного из наших день рождения... так что не взыщите.

– Понятно, кого будут завтра хоронить, знаете?

– Да, конечно. Пока восьмерых. Сегодня мастер сам после обеда прибежал, смотрел, чтобы всё нормально сделали. В особом квартале двоих, и ещё шестерых как обычно, на новой площадке.

Что такое особый квартал я уже знал. Подобные участки существуют не только на этом кладбище и не только в нашем городе. Хотя и говорят, что перед смертью все равны, как и в бане, но так уж устроен этот мир, кто-то всё же «равнее». В особом квартале и места больше для последнего пристанища, и чище. Между могил совсем невидны ни старых венков, ни увядших цветов, ни пустых бутылок. Иные памятники из категории VIP сделаны настолько искусно, что мастерам можно премии выдавать за воплощение художественного замысла. А здесь он один – скорбь.

– Кто будет работать в особом?

– Наша бригада.

– Показать можете, где кого?

– Да, здесь совсем недалеко от центральной аллеи, направо, пошли, – Егорыч, кряхтя, выбрался из машины. – Вот тут профессора университета, – он показал на холмик рыжей

земли, когда мы оказались на месте. – А там женщину, которую недавно убили, – землекоп кивнул в сторону. – Как я понимаю нам туда?

Странное чувство испытываешь, стоя перед пустой могилой. С одной стороны – вроде бы, просто яма, где в деревянном ящике будет закопано чье-то тело. А с другой – начинаешь понимать особенно явственно, что стоишь на пороге вечности, поскольку это финальная точка в жизни, пока в чужой жизни. Качественный переход из состояния «есть» в состояние «был». Последняя остановка на маршруте в одну сторону. Назад ещё никто не возвращался.

– Так что интересует? – могильщик прервал наше молчание.

– Егорыч, – начал я. – Скажи, где устроиться так, чтобы видеть, как можно больше, и при этом остаться незаметным? Здесь-то всё просматривается как на ладони, а прятаться за памятниками – несерьёзно.

– Ну, это... дело поправимое, – землекоп сдвинул на затылок линялую бейсболку. – Можно и в нашем «пирожке». Мы там инструмент возим. Не на горбу же таскать лопаты по всей территории. Я разгрузусь заранее здесь, потом вернусь к складу, заберу, кого скажете в фургон, и поставлю его вон там, на горке, – он кивнул в сторону. Как всё закончится, человек уйдёт, если захочет, или опять вернёмся к складу, а я после – машину сюда подгоню. Своим говорить ничего не буду. Меньше будут знать, крепче будут спать. Я ещё нужен, или как? А то ребята потеряют.

– Пока нет, спасибо, – я посмотрел на часы.

В больнице, где лежит моя жена, передачи заканчивают принимать в восемь вечера.

– Тогда до завтра, ждать буду, где договорились, за полчаса до похорон, – и он не торопясь пошёл вдоль аллеи.

– Дима, ты давно с ним знаком? – спросил я, после того как могильщик скрылся за поворотом аллеи. – Не подведёт? По опыту знаю, что алкашам доверять нельзя. В самый ответственный момент могут подставить.

– Александр Сергеевич, Егорыч вообще-то не пьёт. За три месяца, что знаю его, кривым ни разу не видел.

– Как ты с ним познакомился, если не секрет?

– Помог ему сына перевести в другую школу. У парня начались проблемы. А это – целое дело. На бумаге всё просто, а в жизни, только попробуй, мало не покажется. Вот и пришлось посодействовать, но сейчас вроде бы всё наладилось. Год мальчишка закончил неплохо.

– И замечательно. Дима, завтра, как говорил, попрошу быть «по гражданке», но сделай так, чтобы народ видел, откуда ты.

– Зачем?

– Если появится тот, кто нас интересует, пусть знает, что мы здесь. Лишний напряг у него в голове – в нашу пользу. Глядишь, нервничать начнёт, может, где засветится. А я из машины посмотрю, кто как себя поведёт на похоронах. Да и ты внимательно погляди вокруг себя. Всё понятно?

– Да, конечно.

– Тогда до завтра, мне ещё нужно успеть к жене в больницу.

Жара немного спала и пробки на дорогах тоже рассосались, поэтому ехать можно не особенно напрягаясь, тем более что клиника не очень недалеко. Однако, опять чувство смутного беспокойства... Оно появилось ещё на кладбище. И с чего бы это? Кажется, будто кто-то наблюдает за тобой со стороны. Выйдя из лечебного корпуса, я на всякий случай сделал «круг почёта», то есть просто проехал два квартала и вернулся в исходную точку. Со стоянки перед зданием исчезла только одна потрёпанная «девятка». Я двинулся вдоль проспекта и тут же свернул в первый переулок по пути.

Ну, точно! Вот они красавцы, проскочили мимо, будто бы не заметив меня. Ай, ай, совсем не умеют вести объект, или народу не хватает на замену? Ладно, мне ещё надо кое-чего купить

по просьбе жены на завтра, а потом можно и домой. В супермаркете в очередь к кассе за мной встал высокий худой парень, лицо которого мне показалось знакомым. Только вот где я его видел? Память начала быстро листать страницы прошедших дней. Ага, есть! Три дня назад в райотделе он стоял около дежурной части. Похоже, наш клиент. Рассчитавшись за покупки и сложив продукты в пакет, я двинулся к выходу, однако парень преградил мне дорогу.

– Ты Чугун? – вместо «здравствуйте» проговорил он.

– Кто, кто?

– Ну, типа, капитан Чугунов?

– Я, а ты кто такой?

– Какая разница, я по делу.

– Ну, раз никакой, то сейчас пойдём со мной, а потом и поговорим, когда разберёмся, откуда ты взялся.

– Ты не понял. Я же по делу, – парень занервничал, озираясь по сторонам. – А если хочешь документ, то у меня только справка об освобождении. Я к вам в отдел три дня назад приходил, на учёт вставить. Показать?

– Давай.

– Он достал из кармана сложенный листок бумаги с фотографией.

«Баранов Михаил Степанович, статья, фотография, наименование учреждения, выдавшего справку, место постановки на учёт, печать...» вроде бы, то что нужно. Знакомые всё лица, попросту – «Мишка – монтёр» – квартирный вор, который обычно прикидывался или электромонтёром или сантехником из коммунальной службы. Как же это я сразу не узнал? Однако изменился, изменился.

– Слушаю, Михаил Степанович.

– Меня, Узбек послал, потолковать с тобой хочет. Говори куда ему надо приехать. Сказал, что через час будет, если согласишься.

– Зачем, не знаешь?

– Нет, это не моё дело. Он ещё говорил, что если не хочешь, как хочешь, тебе, говорит, нужнее, чем ему. Выйдешь из магазина, скажешь, а я на улице покурю, пока ты своим доложишься, – Мишка усмехнулся. – Ладно, я пошёл, – он направился к выходу.

Ну, что же, Миша, послушаемся твоего совета – позвоним в отдел.

– Андрей Павлович, Чугунов беспокоит. Только что на меня вышел Баранов.

– Мишка – монтёр, что ли?

– Ага, он самый, и передал привет от Узбека с пожеланием встретиться на нейтральной полосе.

– Ого, быстро, однако, работают наши клиенты, где думаешь назначить аудиенцию?

– В кафе «Маяк» на набережной. Почти центр города и не так шумно.

– Хорошее место, одобряю. Как только перетолкуешь, обязательно позвони, договорись. Ты раньше с Узбеком не встречался?

– Нет.

– Тогда не удивляйся. По-настоящему его зовут Бромберг Аркадий Львович. Не расслабляйся, сразу говорю. Человек он очень грамотный во всех отношениях. Убедить может кого угодно и в чём угодно. Ну, давай, жду звонка. – В трубке раздались гудки.

– Ну, что, надумал? – Мишка бросил бычок в урну, как только я вышел из дверей магазина.

– Кафе «Маяк», знаешь? Вот там и поговорим.

– А то! Пока, капитан. – Мишка плюхнулся на сидение подъехавшей «девятки», которая медленно покатила к выезду со стоянки.

Однако и мне пора выдвигаться на место. Желательно добраться туда раньше Узбека, потому что стоит заранее посмотреть и на обстановку и на то кто ещё кроме него придёт «пого-

ворить» со мной. Название кафе говорит само за себя. Когда-то здесь были склады ОРСа, а если проще – отдела розничного снабжения местного речного флота. Потом ОРС приказал долго жить, а старые лабазы выкупил один из предпринимателей. Человек инициативный, он быстро облагородил территорию, и на месте одного из полуразвалившихся складов выросло заведение общепита, часть которого напоминает башню маяка. Название полностью соответствует имиджу. Окна зала выходят на речной простор. Кухня, надо отдать должное, весьма разнообразна и цены – «приятно удивляют», как пишут в рекламе. На стоянке рядом с кафе маячили три такси и «пирожок» бежевого цвета с вмятиной на левом крыле. А это значит – я первый. Или, не первый?

Одной из машин тройки с шашечками была чёрная «Камри» с тонированными задними стёклами и надписью вдоль борта – «Люкс—такси». Водитель в фирменной синей рубашке, при галстуке, мирно дремал, полностью открыв стёкла, его фуражка с позументом в палец толщиной лежала на пассажирском сидении. Видимо он знал, что клиент появится не скоро. Кто бы, кто, только не «Люкс» мог спать за рулём! Эти ребята приезжают на заказ ровно за пять минут до назначенного времени, никогда не опаздывают, и я ни разу не видел, чтобы они «охраняли» остановки. Фирма работает как часы, и исключительно по заказам. Но чтобы мафия ездила на такси, пусть даже – люкс?! Это что-то новое. Однако, как только я появился в зале, ко мне тут же подошёл официант, до этого разговаривавший с барменом.

– Прошу прощения, Александр Сергеевич Чугунов? – профессионально улыбнулся молодой человек.

– Да, а в чём дело? – хотя я уже догадался, в чём именно.

– Вас ожидают в VIP зоне, пойдёмте, я провожу.

VIP зоной оказалась весьма уютная комната, обставленная подобно домашней столовой. Но окно, огромное, во всю стену! Оно собственно и оправдывало приставку VIP, смесь домашнего уюта и великолепной панорамы речного простора. За столом сидел невысокий худощавый человек, неопределённого возраста. О таких обычно говорят – «либо только за сорок, либо уже под шестьдесят».

– Добрый вечер, – мужчина кивнул в знак приветствия, – присаживайтесь, поскольку я пригласил вас, то я и плачу, официант сейчас принесёт меню.

– Спасибо не стоит, я здесь не для того, Аркадий Львович.

– Быть может чай, кофе? А то ведь сидеть за пустым столом просто неприлично.

– Кофе, если не затруднит.

Появившийся официант принял заказ и не торопясь удалился.

– О, я вижу, инструктаж по поводу моей персоны вы уже получили, – продолжил Бромберг.

– Только фамилию, имя и отчество, кстати, если не секрет, отчего такое прозвище.

– Уже неплохо, в течение первых пяти минут нашего знакомства вы меня не разочаровали, – Узбек отодвинул в сторону пустую тарелку, – «прозвище», я уж думал, скажите – «погоняло» или «кликуха», дело в том, что я родом из Узбекистана. Родители – школьные учителя. Мы жили в сельской местности и моими друзьями были обычные узбекские мальчишки. Вот от них я и научился языку. Разговорным владею свободно, хотя акцент, конечно, есть.

– Странно, Аркадий Львович, впервые вижу, криминального авторитета в подобном формате.

– Ну, так как же вы хотели? В определённом смысле – мы все заложники обстоятельств, да и времена нынче другие. За мной всё же полтора высших образования, настоящих, полученных ещё тогда, в советское время. Я по основной специальности инженер-технолог химического производства, экономический факультет университета, увы, окончить не удалось по вполне понятным причинам. При желании можете посмотреть мою биографию по своим базам данных. Там всё написано. За решётку угадал исключительно по своей воле, из-за глу-

пости и жадности. Молод был, хотелось и всё, и сразу. А тут такие возможности! Я работал мастером смены в цехе пластмасс и при мне вывозили в отвал не кондицию – ту часть продукции, что не проходит по стандартам. Вывозили грузовиками. Я написал рационализаторское предложение – как эти отходы можно превратить в товары народного потребления. А в ответ – тишина. Я второй раз написал, а мне говорят – «не суйся не твоё дело, мы и так в передовиках по отрасли ходим». Ну не моё так не моё. На складе металлолома нашёл станок подходящий, приобрёл его за три литра спирта, переделал немного, и работа пошла. Грузовик идёт на свалку, но разгружается не до конца, остатки – мне. Я из них всякую мелочь для быта делал. Потом нашёл канал реализации через магазин хозтоваров. Но мне не повезло. Какой-то недоумок забрался туда, и его взяла милиция, а когда сняли остатки, то на свет выплыли излишки товара.

– Ну да, бэповцы, говорили, если недостача – это нормально, а если излишки – сто процентов криминал.

– Так оно и получилось, торгаши показали на меня. А тут как раз назрела модернизация моего мини производства, и пришлось прикупить валюту. За кордоном на наши «деревянные» рубли ничего не продавали, особенно оборудование, тем более что всё шло контрабандой. Ваши меня с валютой и накрыли. А по тем временам за это можно было получить вплоть до расстрела.

– Тогда тем более непонятно, как вы оказались в авторитетах. По экономическим преступлениям такое звание не дают, как мне известно.

– Правильно, не дают, на зоне у нас таких называли «пчёлками», которые «медок» таскают. Перед самым моим выходом на волю, власть на зоне поменялась, начался разброд и шатания. С прежними я жил нормально, а вот с новыми «буграми» договориться не успел и меня начали прессовать, чтобы я медком-то поделился, ну и добавили мне срок ещё четыре года за причинение телесных повреждений. Кирпич под руки тяжёлый попался. Правда, перевели в другую зону. А потом когда вышел не сразу понял куда попал. Садил в одной стране, а выпустили уже в другой. То за что мне дали срок, стало, чуть ли не подвигом. Я конечно, в стороне не остался и организовал производство, но помните, какие времена были! От без башенных рэкетигов, которые понятия не имеют о «понятиях» отбоя не было. Пришлось создавать свою бригаду безопасности, иначе просто невозможно было работать.

Естественно пошли разборки, но до большой крови никогда не доходило. Потом не сообразил вовремя, откуда ветер дует, а умные люди не успели подсказать. Вот и попал под раздачу со своей безопасностью. Статью тогда мне предъявили тяжёлую – организация преступного сообщества. И срок там очень приличный. Но я не зря хорошему адвокату хорошие деньги платил. Он повернул дело так, что статью переквалифицировали и, соответственно, сроккратно уменьшился. Вот так я в авторитеты и попал.

– Ну да, три судимости, это весомо.

– Вот именно. Как вы думаете, зачем я это всё рассказываю? – Узбек досыпал щепотку соли в стакан томатного сока, стоявший перед ним, и размешал напиток ложечкой.

– Явно не для того чтобы исповедаться. Должность у меня не та.

– Правильно. Я надеюсь, вы поняли то, что перед вами реальный человек, не только с устоявшимися понятиями, но ещё и с определёнными методами работы, которые подразумевают хорошее знание уголовного кодекса. Убивать кого-то из-за передачи, которая ещё не вышла в эфир, тем более женщину?! – это не в моих правилах и явно не в моих интересах. В этом мире всё решается деньгами, и уж если я очень захочу, чтобы материал Черновского не увидел свет, то так оно будет на самом деле. Поверьте на слово. Сейчас мне приходится сворачивать своё присутствие на рынке рабочей силы. Это лишь вопрос времени. Меняется законодательство, меняется конъюнктура, падает спрос, и такое дело становится нерентабельным, а деньги я вкладываю только в то, что даёт деньги. У меня есть легальный бизнес, который существенно может пострадать, если ваша контора начнёт зачистку территории по полной

программе с взятием «заложников». Вы же будете народ таскать по всякой мелочи, до которой руки не доходили в обычное время. Может, кого-то и закроете на срок, меньший чем, будет идти следствие. Потом, конечно, отпустите. Мои деловые связи в нашем городе, тоже окажутся под вопросом. Неразбериха, лишняя суета, общий негативный фон – они и клиентов отпугивают очень быстро, и ещё быстрее партнёров. Зачем мне эта головная боль? Поймите, Александр Сергеевич, я не учу полицию как ей жить, и уж тем более как работать. Со своей стороны обещаю, что тоже буду искать того, кто это сделал. Если что-то обнаружится, обязательно дам знать. Но мне нужно время. Можете так и передать своему начальству. Сейчас наши интересы совпадают, хотя мы и по разные стороны баррикады.

– Аркадий Львович, вы не думали о том, что кто-то пытается выдавить вас из бизнеса вот таким способом? Скажем, многоходовая комбинация, с материалом в СМИ. Потом шум в прессе и на ТВ. В любом случае расследование, и в любом случае вам придется обороняться. А когда противник ослаб, то можно и сделать предложение, от которого нельзя отказаться...

– От кого обороняться, от вас что ли?

– И от нас тоже. Иначе вы бы не встречались со мной.

– Что касается вашей фирмы, действительно есть резон. Обычно я решаю проблемы до того как они успеют появиться, а вот то что касается моего бизнеса – маловероятно, потому что слишком сложно и слишком уж цинично. Хотя с убийством могла и накладка получиться, пока ничего сказать не могу, может поугадали хотели. Если бы я занимался мега проектами, типа нефтянки, энергетики, серьёзным строительным бизнесом или торговыми сетями, то вполне вероятно. Заклание «невинного ягнёнка» можно было рассматривать как один из вариантов. Но у меня уровень другой. Без куска хлеба с маслом, конечно, не сижу, но это всё не то. Ведь каждый поднимается до уровня своей некомпетентности. И я тоже свой предел знаю. Автосервис, такси, грузоперевозки, общепит – семья дети внуки, что ещё надо чтобы спокойно встретить старость? Помните Абдуллу из «Белого солнца пустыни»? Но это я так, к слову. Как, кстати, кофе?

– Замечательный.

– Искренне завидую. К сожалению, мне нельзя, давление, врачи не рекомендуют. Зона, знаете ли, здоровья никому не прибавляет.

Бромберг, замолчал, глядя в окно, но немного подумав, добавил:

– Ни тем, кто сидит, ни тем, кто сторожит, ни тем, кто туда направление даёт... Однако заговорился я с вами, если вопросов нет, извините – дела.

– Аркадий Львович, есть и только один. Почему именно я – тот человек, на которого вы вышли?

– Вопросом на вопрос отвечать не принято, но всё же... Надеюсь, вы не думаете, что я воспользовался утечкой информации из вашего отдела?

– Аркадий Львович, это уж совсем глупо с моей стороны спрашивать вас о том какими источниками вы пользуетесь.

– Чтобы у вас не возникало сомнения на эту тему, попробую сразу расставить точки над «и». Обычная логика, не более. Знать о том, что это дело поручат вам я, конечно, не мог, но предполагать – вполне. В вашем отделе только двое занимаются тяжкими преступлениями, и один из них – вы. Это – первое, и это знаю не только я. Существуют определённые нормы поведения, если так можно сказать – своеобразная этика, которая не позволяет мне встречаться с вашим начальством напрямую, за исключением особых случаев. А это убийство хотя и станет, скорее всего, резонансным, но не подпадает под данную категорию. Это – второе. Ваш рейтинг, если так можно сказать, в профессиональной криминальной среде достаточно высок. Вы считаетесь реальным человеком, который хорошо знает своё дело, и к тому же обладает качествами, которые доступны, далеко не всем. Вы, насколько я знаю, никогда не переходили

допустимую черту в отношениях с преступным сообществом. Это – третье. Кому-то очень крупно не повезло в том, что это дело поручили именно вам.

– Комплимент?

– Мнение осведомлённого человека. Пока так. Однако мне пора. Если что-то появится интересное, Баранов с вами обязательно свяжется. Ни вам, ни мне личные контакты более не нужны по вполне определённым причинам. Всего наилучшего.

Бромберг встал и неторопливо направился к выходу. Он ушёл, а я остался со своими мыслями наедине. Действительно, говорить умеет, и правильно сказал Палыч, убедить может кого угодно и в чём угодно. Странно, что такой человек вообще мог оказаться за решёткой. Круто работали советские БХССесники, если уж он вывернуться не смог. Это не банальный спекулянт, который из-под полы джинсы продавал. Однако поверить на слово в то, что мафия – «не при делах»? Что же это получается? Только, только в газете появилась заметка о том, что готовится какой-то материал по поводу гастарбайтеров, тут же топ менеджер – мафиози идёт на прямой контакт и отрешивается от возможных обвинений в свой адрес.

Вот уж действительно человек решает проблемы ещё до того как они появились. Более того, недвусмысленно заявляет, мол, если что узнаем – сдадим сразу. Если так, то, преступник, скорее всего, не их поля ягода. Наиболее вероятный вывод следует только один – профессиональное преступное сообщество вряд ли к этому случаю имеет отношение. Если бы, разборки возникли между криминальными полковниками, то Бромберг не стал бы втягивать в это дело полицию, – не положено, не его уровень.

Однако всё же, кто был инициатором очередного разоблачения, и почему Черновский решил взяться за него? В какой стадии находился этот материал? Откуда взялась информация? Вопросы, вопросы, вопросы, которые придётся задавать самому Черновскому, хотя сейчас делать это следует крайне осторожно. Мало ли что снова может устроить наш журналист. По-хорошему надо бы чтобы с ним поработали психологи. Надо бы, да «бы» мешает. Чует сердце, что Анастасия Черновская не единственная жертва в этом деле. Как будто кто-то специально муть со дна поднимает, чтобы я не смог разглядеть, что же там – внизу. Мои размышления прервал звонок сотового телефона.

– Саша, переговорил?

– Конечно.

– А чего молчишь?

– Думаю, Андрей Палыч, думаю. Завтра с утра хочу заглянуть в редакцию газеты и побеседовать с мадам Соболевой, по поводу её источников информации. Попрошу, чтобы пока не давали опровержения в газету по поводу этой статьи. Хотелось бы поговорить и с самим Черновским, но сейчас, похоже, это лишнее. Потом вместе с Зоркальцевым двинемся на похороны. Посмотрим что к чему.

– На счёт газеты ты долго думал?

По тону, каким это было сказано все сомнения в том, что я с первого раза получу «добро» отпали сами собой, а потому, надо бы как Бромберг, решать проблемы до того как они появляются.

– Саша, честь мундира надо отстаивать, это вопрос политики, пусть и местной, но политики, и не нам это решать, неужели ты не понимаешь? – раздражённо заметил Гусев

– Да всё я понимаю, только, Андрей Палыч, нам сейчас карты в руки. Газетчики помогли как нельзя лучше. С их подачи можно дезориентировать преступника. Пусть думает, что мы меж собой бодаемся, глядишь, где-нибудь, нух потеряет, да и засветится.

– В этом что-то есть... – Палыч замолчал, обдумывая ситуацию. – Ладно, договорились. Сейчас попробую начальство убедить. Ты, возьми у криминалиста фотоаппарат с телеобъективом, может пригодиться. От присутствия на планёрке тебя освобождаю, ко мне зайдёшь после того как вернёшься с кладбища. Всё. До завтра.

В трубке раздались короткие гудки.

Глава 5

Однако моим планам по поводу встречи с прессой сбыться оказалось не суждено. Как только я появился в приёмной главного редактора, секретарь тут же доложила о моём прибытии. Ждать пришлось совсем недолго. Через несколько минут я уже сидел перед газетным начальством.

– Что интересует нашу доблестную полицию на этот раз? – хозяйка кабинета была подчеркнуто вежлива, как и улыбка на её лице.

– Ольга Владимировна, я бы хотел побеседовать лично с Ириной Соболей.

– Вас беспокоила её заметка в газете?

– Естественно, и не только это.

– Что-то ещё?

– Конечно, но об этом я буду разговаривать лично с ней.

– К сожалению, не получится, Соболева улетела отдыхать в Турцию и вернётся только через неделю, – главный редактор торжествующе посмотрела на меня.

– Ещё вопросы?

– Да, конечно, – я положил на стол ксерокопию факса заявления Черновского.

– Я так и предполагала, – редактор, пробежав глазами текст по диагонали, вернула его мне. – Побеседовали, убедили...

– И не угадали, – в тон вставил я. – Однако прочли невнимательно, а редактору, тем более главному... – теперь была моя очередь поиграть на нервах, – мы вообще-то здесь не причём. Там же чёрным по белому написано кому и где Черновский сделал заявление. Уточняя – прокурору и в прокуратуре, а это другое ведомство, как вы знаете, у которого ни с кем тёплых отношений просто быть не может по определению. Особенно с нами – полицией. Бумагу можете оставить себе, хотя я обязательно пошлю вам ещё одну копию уже через канцелярию и заказным письмом, чтобы вопросов потом не было. И у меня очень большая просьба – как только Соболева появится на родной земле, пусть немедленно свяжется со мной, – я достал визитку из портфеля и протянул её главному редактору. – Подчёркиваю, – немедленно и в любое время, в интересах следствия и особенно её собственных.

Однако моя собеседница не выглядела обескураженной.

– Мы немного поторопились с выводами, приношу свои извинения... – совершенно спокойно заметила она. – Но понимаете, всё же наш коллега, и человек достаточно известный в городе, тем более, доставлен скорой помощью из вашего отдела.

– А что же с ним не переговорили после того как его отпустили из больницы?

– Мы пытались до него дозвониться, но он отключил телефон. Вот мы и подумали...

– Что мы давим на него? – продолжил я.

– Ещё раз извините, завтра в нашей газете будет разъяснение по этому поводу.

– А вот этого я попросил бы не делать.

– Но почему?! – на лице главного редактора отразилось нескрываемое удивление. – Мы же обязаны восстановить справедливость, если уж по нашей вине произошло искажение информации.

– Пока не нужно, – я сделал ударение на «пока». Придет время – обязательно напишите, но не сейчас. О моём сегодняшнем визите тоже распространяться особенно не стоит, секретарю скажите, что я приходил выяснять отношения, но не более того. И ещё раз прошу, как только Соболева окажется на родной земле, немедленно пусть найдёт меня, – я поднялся со стула, – прошу прощения, мне пора.

– Да, да, конечно я обязательно передам.

В дверь заглянула секретарь.

– Ольга Владимировна, завхоз венков привёз куда его?

– Наташа, в мою машину, на заднее сидение, если в багажник не войдёт.

Однако знакомые лица собираются на похороны, и незачем им знать, что и я буду там. Едва я припарковал машину около склада, ко мне подошёл Дима Зоркальцев.

Короткая стрижка под машинку, тёмные очки «капли», рубашка, под которой угадывалась оперативная кобура и наушник телесного цвета с витым проводом, уходившим за воротник – весь его облик словно бы кричал: – «Я сотрудник спецслужбы!».

– Ну, Дима, тебе только президента охранять. И габариты, и экстерьер – самое то! Наушник такой, где откопал?

– У деда своего займы взял, он слышит плохо, а это, – Зоркальцев показал пальцем на своё ухо, – слуховой аппарат. Я ещё портативный диктофон с собой прихватил. Так, для пущей важности, буду ходить вокруг и записывать то, что вижу, может и сгодится.

– Дима, где Егорыч, уже пора бы?

– Должен быть, на месте. Я звонил ему на сотовый, не отвечает.

– Ладно, выдвигаемся на исходную позицию, как говорят в армии. Будет твой Егорыч или нет, нам всё равно работать надо. Место помнишь, где мы были вчера? Давай туда, ходи кругами, сильно людям глаза не мозоль, но сделай так, чтобы тебя было видно. Всё понял?

– Да, конечно.

– Тогда вперёд, встречаемся здесь после того как всё будет закончено.

Зоркальцев, не торопясь двинулся вдоль центральной аллеи в сторону VIP квартала, а я достал фотоаппарат с телеобъективом из облезлого металлического кейса цвета хаки. На крышке было написано: – «Изделие фото снайпер» и внизу стояли цифры – 1975 инв. №118/75, что означало инвентарный номер и год выпуска. От старика «снайпера» остался только чемодан с пенопластом внутри, обтянутым зашарканным шинельным сукном, для того чтобы дорогая техника не болталась погребушкой. Хотя сам кейс был старше меня, но начинка! Совсем новенький «Nikon»! его и руках держать приятно, до того продумана эргономика. Перед «стрельбой» надо всегда проверять своё оружие. Несколько «выстрелов» для контроля изображения оказались совсем не лишними. Едва я взялся за регулировку баланса цветов, чтобы картинка получилась более естественной и чёткой, меня окликнул подошедший сзади Егорыч. Как он ухитрился появиться так бесшумно, для меня осталось загадкой.

– Здравствуйте, прошу прощения, задержался, – рабочий протянул руку для приветствия. – Пойдёмте со мной, машину пришлось оставить с другой стороны склада. Неприятность тут у нас приключилась... местные попрошайки передрались меж собой, пришлось растаскивать. Никогда такого не было! А тут, прямо на людях! Особого комфорта не обещаю, но запасную табуретку я на всякий случай в фургон засунул.

– Это те, на которые гроб ставят, перед тем как в могилу опустить?

– Ага, обычно люди с собой привозят, но и у нас есть, мало ли чего. Да вы не переживайте, я тряпкой протёр, там всё чисто.

То, что я перед собой увидел, через пару минут машиной назвать можно только при наличии буйной фантазии. Скорее – корыто с болтами на колёсах. Крылья, проржавевшие насквозь и задние двери фургона, связанные алюминиевой проволокой были всего лишь аксессуарами этого самоходного чуда, но никак не деталями автомобиля. Поймав мой вопросительный взгляд, Егорыч хмыкнул.

– Не мерседес, конечно, но ездит. Да вы не переживайте, пол не провалится под вами, я туда доски подложил.

Пару минут в «фургоне», и мы на месте. Егорыч развернул машину, так что через боковое окно мне была видна вся площадка возле выкопанной могилы. Хлопнула водительская дверь и землекоп направился к месту своей работы. Я приоткрыл окно и приготовился к наблюдению. Несколько панорамных снимков для того чтобы «пристреляться» оказались как раз вовремя.

В самом начале аллеи показался траурный кортеж. Однако вместо ожидаемой длиннющей колонны по дороге двигались всего два автобуса с чёрной полосой вдоль борта, и десятка полтора легковых машин. Совсем не густо, я бы сказал. Прощальные слова, венки и комья земли полетели вниз, правда, их стука о крышку гроба слышно не было, далековато, но только не для оптики моего «телевика». В окуляр фотоаппарата как раз видно всё очень даже хорошо, вплоть до того какая помада у женщин, пришедших проститься с Черновской.

Кадр, кадр, ещё кадр. Замечательная штука цифровая техника, это не тридцать шесть снимков на плёнке, которую ещё потом и проявлять правильно надо и фотографии печатать. Можно штук пятьсот нащёлкать только зачем? Однако кашу маслом не испортишь и поэтому – щелчок, ещё и ещё. А вот и Дима на заднем плане. Всё правильно делает. Хотя молодой, но понятливый. Вроде бы и не на виду, а «вот он я». Погребение закончилось достаточно быстро. Там, где только что была яма, виднелся холмик свежей земли, обложенный венками и живыми цветами. В VIP апартаментах появился новый постоялец, который перебрался сюда надолго, точнее – навсегда. Я ещё раз просмотрел площадку вокруг могилы, и сделал несколько снимков. Народ потянулся к автобусам и вскоре площадка опустела. Около пирожка появился Егорыч. Он постучал по крыше фургона.

– Едем, – спросил землекоп?

– Давай к складу, там, где я оставил машину.

Однако мне пришлось ждать Зоркальцева некоторое время, прежде чем он появился.

– Дима, почему задержался?

– Решил немного подождать пока все уедут.

– Твои впечатления?

– Похороны как похороны, ничего необычного. Только муж её вел себя непонятно.

– Почему?

– Да как замороженный. Я подошёл немного поближе и всё видел своими глазами. Он ведь как робот.

– Дима, это, скорее всего, таблетки. Ему доктор выписывала успокоительное. Кстати, диктофон у тебя цифровой?

– Да, конечно.

– Файл с записью сбросишь мне на компьютер, когда приедем в отдел. Договорились?

Однако ни просмотреть фото с кладбища, ни, тем более прослушать запись наблюдения Зоркальцева мне не пришлось. Впереди ждал «разбор полётов» или как мы говорили – разбор пролётов.

– Чугунов, – окликнул меня дежурный, едва я оказался в вестибюле своего отдела. – Начальство распорядилось, чтобы ты, сразу, как появишься, шёл к шефу.

– Зачем, не сказали?

– Докладывать будешь по убийству в Лесном переулке.

Вот чёрт! Времени нет подготовиться, ну да ладно, что наработали, о том и расскажем.

– И так, все в сборе, приступим, – начальник отдела открыл свой блокнот, – прошу доложить состояние дела по убийству Черновской. Начнём с оперативной службы. Гусев, слушаю?

– Первое, – начал Палыч, – версия убийства не оставляет сомнения. Окончательное заключение судебно-медицинской экспертизы, которое мы получили вчера, говорит об этом прямо, жертва была ещё и задушена, видимо для гарантии. Работа по «горячим» следам результатов, к сожалению не дала.

– С мотивами разобрались?

– Пока нет, работаем...

– Вот кто работает, тот пусть и доложит. Что сделано. Чугунов...?

– Товарищ подполковник, – начал я, – семейно-бытовой конфликт исключать полностью не стоит, но этот вариант становится менее актуальным. Моё общение с Черновским говорит именно об этом. Что касается состояния аффекта...

– Назначение на судебно-психиатрическую экспертизу есть? – начальник посмотрел на следователя.

– Да, конечно, если всё нормально пройдёт, результаты будут не раньше чем через месяц

– Чугунов, продолжай.

– Так вот, по поводу аффекта, это маловероятно, на мой взгляд, хотя решать будут эксперты. Назвать Черновского хладнокровным и уравновешенным человеком я бы не решился. Отношения в семье пусть и не были идеальными, но утверждать то, что они были откровенно неприязненными, никак не могу. Характер травм, полученных погибшей, говорит о том же. Добивали с гарантией. Какой уж тут аффект.

– Параллельная семья или любовница у него есть?

– Пока об этом никто не говорил, но как рабочий вариант проверять будем. Что касается профессиональной деятельности журналиста, то моя личная встреча с Бромбергом, вчера вечером, говорит о том, что и это маловероятно. Он сам вышел на разговор, и более того обещал содействие в расследовании, потому, что, по его словам, такая ситуация серьёзно вредит легальному бизнесу.

– Ну, надо же какие люди! – впервые я увидел удивление на лице шефа. – Если Аркаша – Узбек засуетился, значит что-то не то. У него нюх на опасность лучше, чем у наших собак на взрывчатку. По месту работы погибшей информация есть?

– Я побывал, в строительной компании, где работала Черновская, и там ничего особенного. С начальством, как и с подчинёнными, отношения были нормальными. Недавно у них состоялась комплексная аудиторская проверка, серьёзных нарушений она не выявила. Правда, коллеги отмечали некоторую нервозность в поведении погибшей в последнее время, но тоже всё в пределах допустимого учитывая то, что она была беременна. Единственное что выпадает из общей картины благополучия – проблемы технического характера, но чтобы они каким-то образом... – я сделал паузу, чтобы подобрать нужное слово.

– Послужили причиной убийства – маловероятно, – закончил начальник. – Знаете, какое слово я слышу пятый раз за пять минут? «Маловероятно!» Маловероятно – то, маловероятно – это. А то, что сегодня похоронили молодую женщину и тот, кто её убил, гуляет на свободе! Это как? И мы до сих пор не можем определить, за что убили! А ведь прошла почти неделя. Именно это должно быть не просто маловероятно, а совсем невероятно. Для меня сейчас одно ясно, по «горячим следам» ничего не нашли, каких-либо стоящих мотивов нет, как нет и реальных подозреваемых. Единственный очень маловероятный подозреваемый, – взгляд шефа упёрся в меня – сам Черновский и на этом всё?! Мало! Катастрофически мало!

Сдаётся мне – если мы ловим пустоту сейчас, то стоит поискать в прошлом похожие преступления, те, что оказались не раскрытыми, в которых тоже не было видимых мотивов. Быть может, есть смысл классифицировать их по способу совершения или ещё как-то. Думайте, думайте! Вдруг всплывёт то, что окажется похожим, и что до сих пор не раскрыто. Быть может там, какие детали появятся. Чугунов, завтра давай в управление, поработай с базами данных, тебе помогут, я свяжусь с руководством. И всех касается, – шеф на секунду замолчал. Повторяю – всех, особенно розыск и участковых, это дело приоритетное, активизируйте свои оперативные контакты, ищите, ищите. В конце, концов, не мог убийца испариться, или не оставить следов. Чудес не бывает. Начальникам отделений в конце следующей недели доложить о состоянии дел, сейчас все свободны.

– Пойдём, расскажешь, что там было на кладбище? – Палыч распахнул дверь своего кабинета.

– Общее впечатление – никакое, – я присел на стул. – Народу было совсем немного, всё как обычно, VIP квартал, венки, цветы, временный памятник. За час управились.

– Снимки сделал?

– Да, конечно. Только просмотреть не успел. Дежурный сразу отправил сюда, как только меня увидел. Зоркальцев сделал запись на диктофон своих наблюдений.

– А это зачем?

– Пригодится, послушаем, быть может, что-нибудь появится интересное.

– Хорошо, иди, просмотри внимательно, то, что нащёлкал, послушай запись. Завтра с утра – в управление. Сегодня тебе определяют в помощь человека, он поработает с базами данных. К завтрашнему утру, выборка будет готова, после действуй по обстановке. Вечером доложишь. Мне сейчас надо сделать справку для прокуратуры, всё занимайся, своими фотографиями, – Палыч уткнулся в экран монитора.

В коридоре ко мне подошёл Зоркальцев и протянул маленький чёрный диктофон вместе с проводом.

– Дима, сам скинуть на компьютер сможешь, а то пока я разберусь, что к чему...

– Без проблем, сделаем в пять минут.

Однако «пять минут» растянулись почти на два часа. То на моём компьютере не оказалась программы, которая читает запись именно в том формате, что и на диктофоне, ток ней потребовались ещё какие-то примочки, но когда, наконец, всё было сделано, и из небольших компьютерных колонок зазвучал уверенный и негромкий голос «спецагента» Зоркальцева, я испытал настоящее облегчение.

– Вот, что Дима, пока я сейчас буду смотреть своё «кино» в сопровождении твоей «оперы», а ты напиши рапорт на имя моего начальника о том, что делал на кладбище, на чём остановилось твоё внимание, ну, и так далее. Постарайся вспомнить все детали.

– Александр Сергеевич, зачем? Запись есть, фото тоже. Кому это надо, бумагу переводить?

– Следствию, Дима, следствию... Жду через час.

После того как за ним закрылась дверь, я перекинул все снимки с фотоаппарата на компьютер. И... поехали.

Пробные кадры перед работой, около кладбища, панорамные до похорон, на которых виден холмик свежей земли, рядом рабочие-землекопы перекуривают, перед тем как приступить к делу, на заднем плане Дима Зоркальцев, катафалк, машины, люди, люди, люди. Кто-то плачет, кто-то просто смотрит вдаль, Олег Черновский в черных очках, его коллеги, секретарь с работы Анастасии, Губина и ещё какие-то женщины, стоят небольшой группой, стоят отдельно. Рабочие начинают орудовать лопатами, венки, цветы, всё – финиш. Автобус разворачивается. Опять Зоркальцев в кадре, на заднем плане случайные прохожие, кажется всё. Ещё раз... и ещё раз. Нет, ничего существенного, всё как обычно в таких случаях. Послушаем, какими впечатлениями делится наш участковый, хотя и говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, но всё же – лишний шанс в деле не помеха.

«Местное время тринадцать часов, двадцать минут, я, участковый уполномоченный Зоркальцев Дмитрий Владимирович нахожусь на кладбище и присутствую на похоронах Анастасии Черновской. В десяти метрах передо мною группа рабочих из трёх человек, которые будут работать на погребении. В радиусе двадцати метров посторонних лиц не наблюдается. Тринадцать часов, двадцать пять минут. На центральной аллее появился траурный кортеж – два автобуса фирмы „Ангел“ легковые автомобили, госномера ..., в похоронах участвуют сорок три человека двадцать мужчин, двадцать три женщины...» и тд. и тп. То же самое, что и на моих фото, в колонках раздался комариный писк диктофона, извещающий о том, что запись закончилась. Ага, кажется, всё. Но его вновь сменил голос Зоркальцева.

«Местное время четырнадцать часов двадцать минут. Погребение закончено, автобус и легковые автомобили направились к главным воротам. Слева от меня появился мужчина, судя по одежде местный бомж, направился к могиле Черновской. В радиусе тридцати метров посторонних не наблюдается. В боковой алее – случайные прохожие в количестве пяти человек, три женщины, двое мужчин. Справа от меня примерно в тридцати метрах женщина, ухаживает за могилой, убирает старые цветы. Четырнадцать часов сорок минут. Заканчиваю наблюдение».

Вот теперь действительно всё, в смысле хватит слушать и смотреть, пора домой. Я позвонил Зоркальцеву и обрадовал его тем, что рапорт, который он должен написать, буду читать завтра, а сейчас, сейчас есть хочется, просто жуть! Пообедать некогда было, ну, да ничего и ужин и обед можно совместить, тем более что совсем недалеко вполне приличное кафе – «Блок питания» называется. И недорого и вкусно, и народу там немного, поскольку в этом заведении питаются в основном студенты, а сейчас эта публика разъезжается на каникулы. Горячий лагман, приготовленный настоящим узбеком, большая кружка дымящегося нерастворимого кофе и салата а ля «греческий», зарядили мой организм практически на сто процентов. А вот теперь немного можно расслабиться и никуда не торопиться, а ещё что сегодня вечером опять футбол, до которого целых два часа. Однако радужные мечты о предстоящем вечере прервал телефонный звонок. Сначала мне показалось, что звонила жена, последние две цифры номера оказались одинаковыми. Я нажал кнопку, но в трубке раздался чужой голос.

– Алло, Александр Сергеевич?

– Да, слушаю.

– Туганова беспокоит, Зинаида Андреевна, помните? Мы живём в Лесном переулке. Вы искали Симоню?

– Да, конечно.

– Так вот, он вернулся.

«Ну, надо же! Не вперёд, не после!» – мелькнула мысль, однако я как можно более спокойно спросил.

– Чем занимается?

– В сарае дрова складывает.

– Спасибо за информацию, Зинаида Андреевна, скоро буду, – я отключил телефон.

Ну, если дровами занялся, то явно не сбежит до моего приезда. Уже хорошо. Когда я появился во дворе его хибары, Симоня действительно возился в сарае, перед дверью которого лежала куча наколотых дров. Увидав меня в дверном, проёме он замер на месте.

– Симоня, здорово! Ты, что встал как столб, выходи уже на улицу. Поговорить надо.

– Тьфу, напугал ты меня, Чугунов, – он вытер со лба пот рукавом. Пошли в дом, чего на улице торчать.

Его жилище к моему удивлению внутри на сей раз существенно отличалось от типового бомжатника. Разница была весьма заметна, между тем, что я видел здесь пару месяцев назад, и тем, что предстало моему взору, когда я переступил порог в этот раз. Голая нищета соседствовала с несвойственной подобным местам аккуратностью и чистотой. Кровать заправлена по струнке синим армейским одеялом, пол вымыт, и вся нехитрая посуда занимала своё место на самодельной деревянной полке возле печки. В углу тарахтел облупившийся от времени холодильник, который был, судя по всему старше меня.

– Проходи, садись за стол. Чай будешь? – Симоня пододвинул мне табуретку.

– Спасибо, меня не чай интересует.

– Как хочешь, а я налью себе.

– Ты где пропадал всё это время? – я устроился возле стола и достал из портфеля лист бумаги.

– А что такое, – хозяин усмехнулся, – ко мне вопросы есть?

- Конечно, ради чего бы я тащился сюда, да ещё после работы.
- Это твоё дело. Только я ничего не знаю, если ты про ту бабу, которую около болота нашли.
- Кто о ней рассказал, Симоня?
- Да все говорят. Как только я тут появился, мне сразу шепнули, что полиция ищет меня по этому делу. Я здесь не причём, потому что ничего не видел, и ничего не знаю. У своего родственника был всё это время. Он подтвердит, если что.
- Может ты и правильно сделал, что смотался вовремя, экспертиза показала, что эту женщину сюда привезли на машине, а вы весь вечер пили пиво на пару с Пантелеем, как мне известно.
- Уже доложили?
- Ага, так что давай рассказывай, зачем от меня бегаешь и что ты видел той ночью.
- Да говорю же, со страху смылся. Мало ли чего. Крайним меня сделать – ума много не надо. Знаю я вас. Вот я сразу и дунул от греха подальше. Если что, можешь Пантелея допросить, он всё скажет.
- Что видел, Симоня, как на духу, давай уже говори, не тяни время.
- Ноги в кустах видел.
- И всё?
- Ну да.
- Когда?
- На часы не смотрел, у меня их нет. Пошёл Пантелея на трамвай провожать. Он ко мне за картошкой приезжал. Я ему ведро насыпал, ну и помог добраться до трамвая.
- Какого трамвая, Симоня, ты что молотишь? В два часа ночи трамваи не ходят.
- Объясняю, тебе товарищ начальник Чугунов, трамвай – это товарняк, пустые вагоны из-под угля, которые маневровый тепловоз толкает ночью на станцию. Как раз там и живёт Пантелей. Обычно они минут пять стоят на путях, наверное, вагоны цепляют, а потом состав идёт дальше. Не пешком же через весь город нам топать.
- И что охрана ни разу вас не гоняла?
- Какая охрана? Ты что Чугунов? Вагоны из-под угля и пустые. Охранникам больше делать нечего?
- Что дальше было?
- Проводил Пантелея, иду домой и в кустах увидел туфли. Сразу понял, что покойник.
- Как понял?
- Так ведь, не шевелится, и вниз лицом лежит. Я бегом домой, отпустил Крекера с цепи и опять на «трамвай».
- И всё?
- Ну да. Какой смысл мне врать, сами знаете, я не причём.
- Однако последняя фраза была сказана как-то уж очень неуверенно. А раз так... Играть в «злого – доброго полицейского» мне некогда, тем более что я в единственном числе.
- Ну, тогда гражданин Семёнов Владимир Ильич, мне сейчас придётся тебя доставить в райотдел для дачи показаний.
- С чего это? Вызывай повесткой, тогда и приду.
- Симоня, грамотным стал, да? А я ведь не сказал, по какому делу. Если ты помнишь, месяц назад кто-то забрался в трансформаторную будку и снял все шурушки из цвет мета с резервного трансформатора. И ведь током не убило! Кто бы это мог быть, такой умный? Как ты думаешь? Придётся очную ставку учинить тебе с приёмщиком металла.
- Вот тут я слукавил. Уголовное дело возбуждать не стали ввиду незначительности ущерба. Подстанция отработала два срока, и стоимость её была как раз равна цене металлолома. Но Симоня об этом не знал. Энергетики не стали возиться с ремонтом старья и установили

новенький оранжевый модуль, который вдобавок был напичкан автоматикой и закрывался на кодовый замок. Как говорится – «не было бы счастья...» Однако подействовало. Симоня изменился в лице.

– Может не надо, трансформатор-то был старый, да и поменяли его, сам знаешь. Теперь туда точно никто не залезет. А я, кажется, вспомнил.

– Ну да?!

– Когда я посадил Пантелея на «трамвай» и возвращался назад, – продолжал хозяин, – то решил немного срезать и пошёл по тропинке мимо забора, вокруг болота. Чувствую, собаки на лесоторговом складе чего-то разлаялись.

– Так может на тебя.

– Нет, они меня знают. Когда я почти добрался до дороги, то сначала из-за кустов увидел машину, которая стояла у обочины, а потом то, как мужик, достал из багажника что-то завернутое в плёнку, и поволок к болоту. Я подумал, может, мусор ночью выбросить хочет, хотел пугануть. А как увидел, что из полиэтилена рука свисает, то у самого ноги подкосились со страху. Знаешь, я присел в траву и залёг под куст вниз лицом.

– А зачем вниз лицом?

– Потому что человек чужой взгляд чувствует. Короче, лежу ни живой, ни мёртвый, а он положил свёрток совсем недалеко от меня. Я услышал, как он плёнку свернул и давай фонариком вокруг светить. Может что учуял. Ну, думаю – всё, мне крышка. Только в это время по переулку машина проехала. Он сразу фонарь и выключил. Потом ещё одна. Мужик постоял немного, и я услышал, как хлопнула дверь, и он уехал. Знаешь, страшно стало, когда увидел, что в кустах эта баба лежит. Я бегом домой, Крекера с цепи отпустил, чтоб с голоду не издох и опять на «трамвай». Тапки свои по дороге в мусорный контейнер сбросил, чтоб вопросов не было.

– А чего ты мне мозги пудрил? Что сразу не сказал?

– Была причина.

– Какая?

– Я бы не хотел об этом говорить.

– Послушай Семёнов... Я могу подумать, что укрываешь кого. Может, узнал, так говори не бойся, хуже уже не будет. А то ведь за сокрытие, сам знаешь.

– Ну да, знаю, знаю... – Симоня немного задумался, – ну не бери ты грех на душу, Чугунов, а? Нельзя мне.

– Грех будет, если не поймает того, кто эту женщину убил. Вот это грех, она ведь ещё и беременная была.

– Что?

– А то, – на третьем месяце.

– Ладно, всё одно, – Симоня махнул рукой. – Слушай. Сон мне недавно был.

– Симоня, какой сон, ты что?!

– А ты слушай, если что хочешь узнать, слушай и не перебивай.

В его голосе появилось нечто такое, что действительно заставило меня замолчать.

– Так вот сон был, говорю. Будто я со своей бригадой поддаю.

– Ну да снится, то кому чего не хватает. А тебе конечно – водки.

– Так ведь я один остался из всей нашей бригады ликвидаторов, тех, кто работал в восемьдесят шестом в Чернобыле. Ну, ты послушай. В общем, сидим мы с мужиками где-то в саду. И стол такой большой, и на столе всё, понимаешь, есть. А бригадир наш, Иван Максимович, мне и говорит: – «Ну, вот, теперь мы все в сборе, ты Володя – последний, а наши давно уже тут. Мы здесь все на одной улице живём». Я глянул в сторону, а дома все такие ровные, красивые и возле каждого сад цветёт. Птицы поют, Знаешь, красота какая! А потом Максимыч посмотрел на меня, да и говорит, – для тебя дом пока не готов, повременить тебе придётся, но и ты

смотри, языком много не болтай, где был, кого видел. От тебя зависит, когда твой коттедж до ума доведут, там сейчас сигнализацию делают».

– Семёнов, сны дело такое – когда сбываются, а когда и нет. И какая сигнализация на том свете? Я бы от тебя хотел услышать не об этом, а то какую машину ты видел и что за водитель был.

– Машина легковая, кажется тёмная. Толком не разобрал. Марки не знаю. А мужик, наверное, ростом с тебя, может повыше. Сам понимаешь, рассматривать было некогда. У меня к тебе будет одна просьба, сделаешь?

– Смотря что.

– Вот, – Симоня достал из ящика стола заклеенный бумажный пакет.

– Что это?

– Тут адрес написан. Если со мной что, отправь, ладно.

– Ты что помирать собрался?

– Знаешь, я не мальчик, чувствую – время подходит. С чего бы это я дома начал шмон наводить? Как думаешь? Правильно – не хочу, чтобы после меня люди всякую хрень разгребали. В этом пакете фотографии и тетрадка со сказками, которые я писал для своей дочки.

– Ну, ты даёшь, Симоня!

– А чего, удивляешься?

– Если честно – да.

– Не всегда же я вот так... жил. И семья была, и жена и дочка. Жили, правда, не особенно богато, но с хлеба на воду никогда не перебивались. Пару раз даже все вместе на юг к морю успели съездить в Анапу. Там море тёплое и для детей – самое то. Я тогда на стройке работал, в коммунальном техникуме заочно учился. Потом вот, оказался в ликвидаторах, а когда приехал домой, то моя ликвидация началась по-настоящему. Сначала вроде бы всё ничего, а потом болеть стал. Мне ещё повезло, даже квартиру успел получить, как чернобылец. Из общаги мы переехали в двушку, правда, не новую, но радости было! А потом скандалы пошли. Дальше – развод. Хату разменяли по-честному. Жене с дочерью – однокомнатную, а мне опять – общагу. После нашлись «добрые» люди, кинули, и я перебрался сюда.

– А пить бросить не пробовал?

– Знаешь, что доктор сказал? – будешь пить, умрёшь от водки, не будешь – от рака. Так от чего приятнее? Сам подумай. Жена замуж вышла второй раз, мужик ей, вроде, нормальный попался. У них всё хорошо и я никогда не лез в чужую жизнь. Теперь и дочка тоже замужем, только я её не видел уже года три. На свадьбу недавно звала, но я не пошёл. Стесняться будет такого отца. Зачем ей это? Здесь всё, что у меня осталось от той жизни, – он кивнул на конверт, – больше просить некого. Если нетрудно, сделай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.